

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В.В. ЛАБУТИНА

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ
СОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕЖУРНАЛИСТА:
КУРС ЛЕКЦИЙ

Рекомендовано редакционно-издательским советом федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» в качестве учебного пособия для обучающихся по основной образовательной программе высшего образования по направлению подготовки 42.03.04 Телевидение

С А М А Р А
Издательство Самарского университета
2019

УДК 378.14(075)

ББК Ш141.2-923

Л128

Рецензенты: канд. филол. наук, доц. А. Б. И в а н о в а;
д-р филол. наук, проф. М. А. П е р е п е л к и н

Лабутина, Вера Викторовна

Л128 Языковая компетенция современного тележурналиста: курс лекций: учеб. пособие / *В.В. Лабутина*. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2019. – 88 с.

ISBN 978-5-7883-1420-4

Пособие нацелено на освоение студентами понятия и основных составляющих языковой компетенции, языковой и речевой рефлексии и языкового вкуса, особенностей современной языковой ситуации и динамических процессов, происходящих в современном теледискурсе, динамики акцентологических, орфоэпических, лексических, грамматических, синтаксических и стилистических норм языка, основных проблем массовой коммуникации, законов речевой коммуникации в теледискурсе, а также мастерства целесообразного построения письменного и рассчитанного на публичное произнесение текста.

Особое внимание уделяется перспективным, но недостаточно подробно рассматриваемым в учебной литературе направлениям развития современных научных исследований: речевому воздействию и манипулированию в теледискурсе, конфликтности в общественных коммуникациях, речевой агрессии и языковым играм, а также проблемам политкорректности, экологии языка и ответственного речевого поведения в открытом коммуникативном пространстве.

Предназначено для студентов направления подготовки 42.03.04 Телевидение.

Подготовлено на кафедре теории и истории журналистики.

УДК 378.14(075)

ББК Ш141.2-923

ISBN 978-5-7883-1420-4

© Самарский университет, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ 1. Специфика современной языковой ситуации и особенности современного теледискурса	4
Лекция 1. Национальный язык, литературный язык и язык СМИ.....	4
Лекция 2. Динамика современной языковой ситуации.....	10
Лекция 3. Проблемы массовой коммуникации и характеристика современного теледискурса. Средства искажения реальности, ее виртуализации и семиотизации в теледискурсе	15
Лекция 4. Лексические и синтаксические средства вариативной интерпретации действительности в дискурсивных телевизионных практиках	20
Лекция 5. Потенциал паралогических и риторических приемов в современном медийном дискурсе. Инструменты манипулятивного аргументирования.....	26
РАЗДЕЛ 2. Языковая компетенция и языковая личность современного тележурналиста.....	37
Лекция 6. Понятие и составляющие языковой компетенции и языковой личности. Языковая и речевая рефлексия как признак развитой языковой личности.....	37
РАЗДЕЛ 3. Лингвистическая (нормативная) составляющая языковой компетенции тележурналиста.....	44
Лекция 7. Понятие языковой нормы применительно к аудиовизуальной (телевизионной) среде. Акцентологические, орфоэпические и лексические нормы.....	44
Лекция 8. Грамматические нормы.....	48
РАЗДЕЛ 4. Коммуникативный аспект языковой компетенции тележурналиста.....	59
Лекция 9. Основные законы коммуникации. Речевые стратегии и тактики в речи тележурналиста.....	59
РАЗДЕЛ 5. Общекультурная составляющая языковой компетенции тележурналиста. Телевизионная речевая культура.	67
Лекция 10. Речевая этика и речевой этикет как основа профессиональной культуры современного тележурналиста.....	67
Вопросы для самоконтроля	75
Библиографический список.....	79

РАЗДЕЛ 1

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕДИСКУРСА

Лекция 1

Национальный язык, литературный язык и язык СМИ

Национальный язык и его формы. Роль языка СМИ в развитии литературного языка на современном этапе.

Тележурналистика существует в открытом коммуникативном пространстве, задает тон в использовании разных форм национального языка. Формами национального языка являются: литературный язык, просторечие, диалекты, жаргоны.

Литературный язык – высшая форма национального языка. Литературный язык характеризуется кодифицированностью (описан в грамматиках и словарях), нормированностью (причем нормы литературного языка общеобязательны для всех членов языкового коллектива), широтой общественного функционирования, разнообразием функциональных стилей, наличием устной и письменной формы. Литературный язык является средством межнационального общения на постсоветском пространстве. Это язык художественной литературы, науки, печати, радио, телевидения, театра, школы, государственных актов, язык культурных и образованных людей.

Просторечие, диалекты и жаргоны обслуживают узкую сферу общения людей – бытовую, не имеют письменной формы.

Просторечие – территориально и социально не ограниченная разновидность национального языка, не имеющая кодификации. Выделяют просторечие нелитературное (неправильности всякого рода в речи недостаточно грамотных людей: *ездиют, положь, с обеих сторон, я извиняюсь, ехай*) и литературное разговорное (экспрессивное:

башка, балдеть, дрыхнуть, дрянь, влипнуть, очуметь, рвякать; вульгаризмы, самые нижние ярусы языка: рожь, ржать, жрать, брюхо);

Диалекты – разновидности языка, распространение которых ограничено той или иной территорией. Примеры диалектизмов: *баской* (красивый, южнорус.), *у мен[e]* (у меня – лит.), *н[’а]со[т’]* (несет – лит.), *вил[к’им’и]* (вилками – лит.), *пи[о]но* (пишено – лит.) *м[и]сто*(место – лит.).

Жаргон – слова и выражения, употребляемые людьми определенных социальных, профессиональных или возрастных групп.

Утрачены классовые жаргоны, например, салонный жаргон дворян (*плезир* – удовольствие, забава; *променад* – прогулка) или условные языки торговцев-офеней (*склешево* – дешево, *калым* – выгода, *петрить* – понимать).

Существуют и активно развиваются:

- профессиональные жаргоны (*кроссинг* у телеоператоров, *шапка, подвал* у верстальщиков газетной полосы, *дОбыча* у нефтяников, *компАс, МурмАнск* у моряков, *клапанА* у автомехаников, *Алкоголь* у врачей);

- школьный, студенческий и молодежный жаргоны (*шпаргалки, бомбы* – готовые листы с ответами, *камчатка* – последние парты, *классуха* – классный руководитель; *вышка* – высшая математика, *сопромат* – сопротивление материалов, *заваливать* – придирааться на экзамене, *плавать* – неуверенно отвечать на экзамене; *врубаться, въезжать* – понимать, *прикалываться* – шутить, задевать; *тусовка* – общество, общение; *прикид* – одежда, *опрокинуть* – подвести);

- уголовный жаргон, или арго: (*беспредел* – произвол, *замочить* – убить, *авторитет* – лидер преступного мира, в местах лишения свободы – представитель высшей группы в неформальной иерархии заключенных, *гон-стоп* – ограбление, *шухер* – облава, обыск, *кореш* – товарищ по отбыванию наказания в тюрьме, *вертухай* – надзиратель, караульный, *хохма* – шутка, *гаврила* – галстук, *лепень* – пиджак, *котлы* – часы);

- армейский (*вертушка* – вертолет, *коробочка* – танк, *лимон* – граната, *ленточка* – колонна техники, *орех* – один патрон, *салага* – новобранец, *полкан* – полковник) и др.

Исследователи отмечают негативные тенденции развития языка на современном этапе – **жаргонизацию и вульгаризацию**. В этих условиях у тележурналистов особая миссия – поддержание экологии родного языка, что должно выражаться в сознательных усилиях, **речевом самоконтроле**: отказе от использования средств нижних ярусов языка, работе над «мелиорацией» собственной речи.

Т. Манн писал: «...живая речь составляет одну из неотъемлемых радостей жизни. Национальное средство общения, родной язык, окружен ... почетом, и есть нечто забавное и неподражаемое в том придиричливом и страстном почтении, с каким следят за соблюдением его форм и законов произношения. Здесь и говорят с удовольствием, и слушают с удовольствием, но слушают как строгие ценители.

Ибо **по тому, как человек говорит, определяют его место в обществе**; неряшливая, корявая речь вызывает презрение, изящная и отточенная – создает престиж, и потому ... человек, если ему важно произвести выгодное впечатление, старается употреблять изысканные обороты и следит за своим произношением».

Существует мнение, что **любой спор есть спор о словах**, а язык дан для того, чтобы не выражать, а скрывать свои мысли и чувства. Общеизвестны и трагические последствия непонимания людьми друг друга, от «Казнить нельзя помиловать» до перехода от языковой, информационной войны к взаимному истреблению. А. Гюэ писал: «За слово приходится страдать, за дьявольское искажение слова. Приходится извещать, как люди в слове не понимают себя, делают себе больно, способны сбить себя с толку. Еще хуже: как они не понимают друг друга в лучших воззрениях, как они от слова к слову все больше отдаляются, как они в конце концов не способны видеть себя и как **из слов, будто колючие заросли перед замком спящей красавицы, вырастает зло**: стены, тюрьмы, казематы».

Тележурналисты как люди с высшим образованием автоматически признаются обществом носителями литературного языка, следующими высоким профессиональным стандартам, в первую очередь этическим, ведь они имеют прямой доступ к формированию общественного мнения, публичной интерпретации событий, воздействию на сознание зрителей.

Если в XIX, а частично и в XX в. *понятие литературного языка ассоциировалось прежде всего с языком художественной литературы, то в наше время на эту роль претендует язык СМИ*, что связано как с его политематичностью, так и с изменившимися условиями его функционирования. Телевидение, радио, газеты, журналы, кино проникли во все «поры» человеческой жизни. По силе влияния на общество, на формирование языковых вкусов, языкового поведения, литературных норм язык СМИ не сравним ни с языком художественной литературы, ни с любым другим стилем. Не случайно еще в 50-е годы XX в. академик Н. И. Конрад назвал язык СМИ общим, усредненным языком нации.

Язык СМИ сегодня обрел господствующее положение среди всех функциональных разновидностей, вобрав в себя, поглотив, ассимилировав в себе ресурсы всех функциональных стилей. Иными словами, *язык СМИ сегодня представляет собой обобщенную модель, совокупный образ национального языка*, коллективным пользователем которого являются все россияне. (Ю.Н. Караулов).

Язык СМИ по самой своей природе и функциям призван быть *моделью национального языка*.

Журналистика не стремится сознательно стать такой моделью. Перед журналистами такая цель не стояла и не стоит. Журналистика становится моделью национального языка стихийно. Как и национальный язык, журналистика охватывает все сферы жизни. И в этом плане она соизмерима, сопоставима с национальным языком. Язык СМИ отражает, анализирует, оценивает все сферы и явления жизни, но под особым углом зрения. Журналист имеет дело с массовым сознанием, которое для него и продукт, и материал.

Для языкового сознания общества именно язык СМИ воплощает представления о национальном языке. Интеллигенция, городское, сельское население, носители диалектов и жаргонов – речь всех этих групп протекает в известной степени изолированно. И только в языке СМИ происходит объединение всех этих стилевых потоков, образуя новое функционально-стилевое единство, представляющее национальный язык – язык СМИ.

Будучи политематичным, распространяясь на все сферы жизни, язык СМИ, в отличие от любой другой разновидности языка, способен включить в себя практически все языковые средства. Однако этот процесс не носит характера простого переноса из одной языковой сферы в другую. Язык СМИ осваивает, перерабатывает, олитературирует средства разных функциональных сфер, меняя их стилистическое качество, придавая им единую в рамках языка СМИ усредненную окраску. Так происходит с иноязычными заимствованиями, которые благодаря многократному повторению в СМИ теряют в значительной степени окраску книжности, специальной речи, что способствует их адаптации, освоению и значительно расширяет лексикон, сферу книжно-нейтральных средств.

Аналогичному процессу подвергаются жаргоны и просторечие. Широко используя их, язык СМИ нейтрализует их нелитературный статус, но подчеркивает их оценочность, усиливая прагматический потенциал слова, обогащая его семантическую структуру.

Вбирая в себя разнообразные стилевые потоки, усредняя и унифицируя их, язык **СМИ выступает как своеобразная лаборатория**, в которой осваиваются новые языковые средства, как **главный языкотворец, формирующий и закрепляющий литературные нормы, как средство поддержания единства литературного языка**. Роль языка СМИ в современных языковых процессах исключительно велика и многогранна. Это главная черта современной языковой ситуации.

Развитие языка совершается в недрах функциональных стилей и других сфер национального языка. Но результаты этих процессов окончательно закрепляются в языке СМИ.

Если раньше процессы развития языка определялись соотношением «национальный язык – литературный язык» (при этом последний фактически приравнивался к языку художественной литературы), то в наше время в эти процессы мощно вторгается язык СМИ и развитие языка определяется триадой «национальный язык – язык СМИ – литературный язык». Язык СМИ – это своеобразный мост между национальным и литературным языком. Прежде чем стать достоянием литературного языка, средства национального языка проходят обработку в языке СМИ. В конечном итоге язык СМИ становится главным фактором развития и национального, и литературного языка.

Было время, когда язык газеты относили к «низшим литературным образованиям» (А. М. Пешковский), а вершину стилевой пирамиды занимала художественная речь. Но эти времена ушли в прошлое. В современную эпоху на авансцену языкового развития вышел язык СМИ. И нам остается изучать неисчислимые последствия новой языковой ситуации. В наше время источник литературных норм заключен в СМИ. Именно здесь апробируются, утверждаются новые слова, употребления, обороты и т.д. Роль в этих процессах художественной литературы, авторитетных писателей стремится к нулю. И как бы мы субъективно ни относились к подобному положению, такова языковая реальность, знамение времени. Будучи литературным в своей основе, язык СМИ раздвигает, расширяет границы литературности, осваивая диалекты, жаргоны, просторечие.

Разумеется, было бы упрощением сводить все процессы развития к функционированию языка СМИ. Литературный язык – многомерное образование. Сложность современной языковой ситуации заключается в действии многих факторов, таких, как функциональные стили, сферы национального языка, жанры. Они продолжают действовать, оказывая влияние на литературный язык, делая его многорегистровым, полифоничным. Однако все эти процессы объединяются, приобретают общий вектор благодаря языку СМИ, осуществляющему единство в многообразии.

Язык СМИ не является одной из разновидностей национального языка, а представляет собой самостоятельную полноценную

модель общенационального языка. Описывать и изучать язык СМИ – это значит анализировать и оценивать степень использования ресурсов и удовлетворения базовых потребностей этого феномена, оценивать степень объективности и полноты воспроизводимой в нем картины мира, характер и степень соответствия общенациональным идеалам тех возможных миров, которые конструируются в языке СМИ.

Каждая из сфер национального языка развивается и функционирует относительно самостоятельно, что и определяет языковой (стилевой) статус этих сфер. Но только в языке СМИ все эти сферы предстают взаимосвязанными, трансформированными, манифестирующими национальный язык в качестве его модели.

Этим, в частности, объясняется высокая престижность языка СМИ, выполняющего в общественной практике функцию языка-эталона, влияющего на политику, литературу, культуру в целом. Выдающаяся роль языка СМИ все больше начинает осознаваться исследователями. Сегодня СМИ являются основным инструментом политического влияния в современном обществе. Они способны быть эффективным средством влияния на общественный климат.

Лекция 2

Динамика современной языковой ситуации

Революция третьей волны (информационная) создала условия для понимания того, что язык – не только «орудие мысли» и посредник между человеком и реальностью. Он и сам *самостоятельная реальность*, созидающая и человека, и его мир.

Новый век – это век логократии, эпоха культурной интерпретации готового слова. В XX в. в развитии европейской культуры произошел «*лингвистический переворот*»: на смену механистической и биологической моделям понимания, господствовавшим в предшествующие века, пришла новая, лингвистическая. Раньше, чтобы понять явление, ему придавали черты *механизма или организма*. В XVIII веке само мироздание представляли как гигантский механизм с

Богом-часовщиком, его заводящим. Век спустя приобрел завораживающую силу образ организма: казалось убедительным видеть в разных явлениях черты живого целого, которое рождается, развивается, увядает, умирает. Через эту метафору увидел язык Август Шлейхер: уподобление языка организму привело его к идее *родословного древа* индоевропейских языков, растущего из общего всем праязыка. Естественно при этом искать ветви такого древа или двигаться вниз по стволу к корням.

В XX в. стала актуальной метафора *«мир есть текст»*. Реальность сводится к языковой, текстовой модели, поддающейся бесконечным изменениям и интерпретациям. Текст, таким образом, не столько рассказывает о реальности, сколько творит ее. И авторы не только литературных текстов, но и текстов массовой коммуникации обращаются к постмодернистской манере письма, которая характеризуется распространением техники «цитатного письма», игровой стихией, интертекстуальностью, в которой существуют целые интерпретационные модели важнейших национально-культурных стереотипов.

Современная языковая ситуация – это язык «текущего момента». Сегодня она весьма сложна. На литературный язык оказывают влияние такие разнородные факторы, как социальные изменения («перестройка», реформы), массовая культура, постмодернизм, Интернет и др. В результате в литературный язык вливаются средства различной, нередко противоположной стилистической окраски. Это приводит к *демократизации* литературного языка. Сильным толчком к демократизации послужило и отталкивание от одиозного языка застойного периода, грешившего книжностью, обремененного штампами, крайне идеологизированного. Современная языковая ситуация характеризуется также:

- ярко выраженным оценочным отношением к словам;
- превращением многих слов в символы принадлежности человека к определенной социальной группе;
- расшатыванием языковых норм в массовом употреблении;

- ростом взаимного недопонимания и между различными социальными группами;
- оскудением словарного запаса, забвением многих семантически ценных слов и фразеологизмов (*неопалимая купина, египетские казни, Валтасаров пир, перейти Рубикон др.*);
- реабилитацией слов и понятий (*лицей, гимназия, крестный ход*);
- «синдромом заимствований» (*прессинг, инаугурация*);
- утратой знаковой целесообразности и эстетического вкуса в наименованиях (*аббревиатуры, собственные имена*);
- обилием речевых штампов (*желаю успехов в труде и счастья в личной жизни*);
- эвфемизмизацией речи, языковым лукавством (*афроамериканец, альтернативно одаренные*);
- языковым насилием в виде навешивания языков (*укропы, ватники, киевская хунта, террористы, экстремисты*);
- засильем «канцелярита» (*производить поливку, наработки, на предмет написания, зафиксировано, по вопросу*);
- взрывом сквернословия, «вседозволенностью сальностей и хамства» (А.И. Солженицын), вульгаризацией речевого общения;
- засильем «лингвоцинизмов», свидетельств технократизма и дефицита гуманности (*игрок был продан клубу за 2 млн., человеческий материал*);
- криминализацией языка;
- язык СМИ становится источником для выработки и апробации новых языковых средств, как информативных, так и экспрессивных.

Современная языковая ситуация многомерна и многофакторна. Все входящие в национальный и литературный язык сферы и разновидности сохраняют свое значение, продолжают действовать. Однако это не приводит к появлению многих самостоятельных «языков». И главным объединяющим фактором выступает язык СМИ. **Объединяющая функция языка СМИ** отражает положение, существующее в современном обществе, в котором формируется

средний класс, роль которого, по мнению социологов, будет возрастать. Если в прежнюю эпоху литературный язык ассоциировался прежде всего с элитой, то на современном этапе литературный язык – это усредненная речь всего общества, прежде всего его среднего класса.

Ведущая роль языка СМИ в развитии литературного языка не означает полного прекращения действия других факторов (массовой культуры, классической и современной серьезной литературы, Интернета и др.). Все эти факторы продолжают действовать, но действовать косвенно, опосредованно. При этом посредником, фильтром выступает язык СМИ. Так, художественная (не массовая) литература если продолжает влиять на литературный язык, то главным образом через язык СМИ. Прежде чем стать достоянием литературного языка, многообразные средства различной стилевой принадлежности должны пройти через язык СМИ. Язык СМИ становится эталоном, своеобразным законодателем литературности.

Каковы последствия и перспективы охарактеризованной современной языковой ситуации?

Если попытаться обобщить действие названных выше факторов и наметить тенденции развития литературного языка, то можно сказать, что современная литературная речь движется в сторону ***нейтрализации, усреднения, интеллектуализации*** (ср. массовый приток иноязычных заимствований, вхождение и частичную нейтрализацию жаргонизмов и просторечия). И это связано прежде всего с необычайно усилившейся ролью языка СМИ. На современном этапе СМИ формируют не только общественное мнение, но и во многом литературный язык. Отмечаемая многими исследователями демократизация литературного языка есть не что иное, как освоение литературным языком сфер, которые ранее не имели столь важного значения и находились за пределами литературного языка.

В «котле» языка массовой коммуникации эти средства перерабатываются, усваиваются и начинают употребляться наравне с традиционно нейтральными и книжными. При этом вектор развития

смещается от книжности к нейтральности. Если использовать старые Ломоносовские термины, то можно говорить, что на первый план выдвигается «средний» стиль. "Высокий" теряет свои позиции, «низкий» приближается к середине, поставляя средства для «среднего» стиля. Эстетический идеал литературной речи в целом трудно сформулировать – он меняется применительно к тем или иным разновидностям литературного языка, жанрам и т.д. Однако для всех сфер литературной речи характерна *тенденция к снижению или исключению пафосности*, к адекватной передаче информации минимальными языковыми средствами.

Современный период развития литературного языка характеризуется влиянием многих факторов. Расширяется поле действия литературного языка, захватывающего практически весь национальный язык. Развитие литературного языка происходит под знаком и под решающим воздействием языка СМИ. В этом заключается главная особенность современной языковой ситуации. И как бы ни относиться к ней – например, сожалеть о резком снижении роли классической и современной серьезной (не массовой) литературы в формировании литературных норм, такова объективная реальность. И она не дает оснований для субъективных выводов о порче литературного языка, даже о его гибели.

Мы переживаем новый период в развитии литературного языка. И то, что часто рассматривается как порча, на самом деле новые качества литературного языка, обусловленные новыми общественными условиями и новой языковой ситуацией. Тем, кто готовится к панихиде по родной речи, очень хорошо ответил Борис Стругацкий: «С русским языком может произойти все что угодно: перестройка, преобразование, превращение – но только не вымирание. Он слишком велик, могуч, гибок, динамичен и непредсказуем, чтобы взять и вдруг исчезнуть. Разве что – вместе с нами».

Лекция 3

Проблемы массовой коммуникации и характеристика современного теледискурса. Средства искажения реальности, ее виртуализации и семиотизации в теледискурсе

Понятие дискурсивных практик и теледискурса. Теледискурс как набор языковых и визуальных знаков и как социокультурный феномен. Телевизионное воздействие как акт коммуникации и средство достижения внеречевых целей и задач. Общие принципы построения дискурса в различных типах телепрограмм. Особенности современной телевизионной речи. Лингвопрагматические особенности различных жанров медиадискурса. Основные стратегии и тактики речи, используемые в теледискурсе. Специфические телевизионные стратегии и тактики.

Средства речевой агрессии в процессе манипуляции. Создание образа врага. Формирование бинарных оппозиций. Дидактичность речи. Инвектива. Формы бытования речевой агрессии в современном медийном и политическом дискурсе. Критерии оценки проявлений речевой агрессии: этические, юридические, лингвистические. Тоталитарная речь в современном обществе.

В зависимости от тематики, задач, которые стоят перед тележурналистами, продолжительности программы выделяются жанры информационные (*сообщение в кадре, телесюжет, телеинтервью, телерепортаж, пресс-конференция* и др.), аналитические (*телеобозрение, телерасследование* и др.), публицистические (*телезарисовка, телеочерк, телеэссе* и др.), развлекательные (*телеигра, телерозыгрыш, телевикторина, юмористическая программа*), рекламные (*объявление, рекламный клип* и др.).

Очень часто в рамках одной передачи переплетается несколько жанров, и отделить их друг от друга оказывается крайне сложно.

Специфика телевизионного языка определяется тем, что он является устным. К сожалению, проблемой массовой коммуникации сегодня является тенденция к снижению качества устной публичной речи,

проявляющемуся в неспособности говорящих осуществлять речевой самоконтроль, предотвращая речевые ошибки, осуществлять отбор речевых средств, связанный с их стилистической окрашенностью. К распространенным ошибкам в речи, звучащей с экрана, можно отнести следующие:

- неправильное произношение, связанное со звуковым сходством слов или сложностью звукового состава (*явства* вместо *яства*, *антерпренер* вместо *антрепренер*);

- неправильная постановка ударения (**трава* вместо *трава*, **мизерный* вместо *мизерный*, **цемент* вместо *цемент*, **намерёние* вместо *намерение*);

- неверное употребление слова, связанное с незнанием его значения (*виртуальный* в значении «несуществующий»; на самом деле, *виртуальный* означает «не имеющий физического воплощения»);

- ошибки в формоупотреблении (например, **ездиют* вместо *ездят*, **ходят* вместо *ходят*, **хочут* вместо *хотят*, **выздоровлю* вместо *выздоровею*, **ихний* вместо *их*);

- рассогласование – употребление неверной формы рода и числа в синтаксических сочетаниях (**большинство молодежи думают* вместо *большинство молодежи думает*, **несколько пожаров вспыхнули* вместо *несколько пожаров вспыхнуло*, **у него было день рождения* вместо *у него был день рождения*);

- многие языковые средства, свойственные разговорной речи (упрощенное произношение – *чего?* вместо *что?*, *скока?* вместо *сколько?*, жаргонные слова, сленг и под.), недопустимые в речи публичной. (Подробнее об этом см. раздел 3).

Многие исследователи современного телевидения и других СМИ считают, что современная отечественная тележурналистика все больше погружается в кризис, так как в последние годы она выполняет преимущественно функции пропаганды и политического или коммерческого обслуживания разных структур, забывая о своих главных задачах – посредничестве между народом и официальной властью, полном и точном информировании населения о происходящих событиях.

Отсюда и рождается недоверие людей к средствам массовой информации. Если нет доверия, то обществом легко манипулировать (А.В. Тулупов).

Однако далеко не со всеми пагубными чертами телевидения можно бороться. Существование многих из них обусловлено природой самого ТВ. И ни юридические законы, ни жесткая критика профессионалов не смогут изменить ситуацию. Необоснованными при ближайшем рассмотрении оказываются, например, **обвинения в искажении реальности, ее виртуализации и семиотизации**. Ведь и профессионалы-телевизионщики, и зрители требуют от передач ярких сюжетов, необычных событий и характеров. Для ТВ – это норма и закон существования. Хотя последствия нестандартной – в частности, агрессивной, шокирующей или небрежной – подачи фактов могут быть самыми страшными. И здесь выход из кризиса, отрицать наличие которого в современном российском телевидении трудно, видится в установлении новых взаимоотношений с аудиторией, основанных на взаимном уважении (А.М. Шестерина).

Типология языковых механизмов воздействия языка на сознание.

Языковое варьирование является важнейшим источником имплицитного воздействия языка на сознание.

Языковое общение в норме предполагает сотрудничество, в основе которого лежит *принцип кооперативности* общения. Но в реальности далеко не всякий диалог кооперативен. Цели участников диалога могут и не совпадать. Если говорящий тщательно выбирает такой способ описания, который обеспечит нужное ему восприятие ситуации слушающим, а слушающий никакого особого «отбора» не ощущает, то можно говорить о *языковом манипулировании*.

Манипулированием называется такой вид взаимодействия между людьми, при котором один из них (манипулирующий) пытается осуществлять контроль за поведением другого (манипулируемого), побуждая его вести себя угодным манипулирующему способом: голосовать за кандидата, платить налоги, покупать товары и т.д.). Причем делается это таким образом, что манипулируемый не осознает

себя объектом воздействия. Ему кажется, что он сам вследствие рассуждения или душевного порыва захотел сделать именно так.

Воздействие может обращаться к чувствам человека, прежде всего к страху, гневу, ненависти. Многие слова **эмоционально окрашены** и, выбирая определенную лексику, человека можно разозлить, запугать и таким образом определить его поведение. Возьмем, к примеру, словосочетания *подлые измены, катастрофическое ухудшение, тотальный передел мира, установление контроля, провокация, неоднозначные последствия, критическая масса ненависти; постоянный и открытый диалог, сотрудничество, две великие нации, международное солдатское братство, укрепление взаимопонимания, приветливость и открытость, дружеское отношение, решительная поддержка, предательство, мародерство, идеологический навоз, разрушительная волна, неудержимое падение, подлые идеи, кошмарная интервенция, лженаучные теории, человеконенавистнические учения, варварское нашествие.*

Нетрудно понять, на каких позициях стоят авторы, и к каким выводам они подводят читателя.

Обращение к негативным эмоциям не редкость и в теледискурсе. Например, в рекламе лекарств, косметики часто используют прием внушения беспокойства. Таковы слова об опасности кариеса и тревожная интонация в рекламе зубных паст и жевательной резинки:

Каждый раз после еды во рту нарушается кислотно-щелочной баланс (уже сам этот наукообразный термин пугает) и возникает опасность кариеса.

Еще один аспект, используемый для языкового манипулирования, – социальное самочувствие человека. **Разделение на «ЧУЖИХ» и «СВОИХ»**, желание быть как все, осознание своего места в обществе и стремление его улучшить – все это в значительной мере определяет поведение человека. Например, говоря *мы*, автор текста как бы автоматически объединяет мнение слушающего со своим: *Мы все любим путешествия.* Применяя вместо слова *террористы* – слово *повстанцы*, автор тем самым сообщает о своей солидарности с ними (и

приглашает читателя разделить ее), а, пользуясь, скажем, выражением *лица кавказской национальности*, дистанцируется от этих самых лиц, играет на противопоставлении «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ», предполагаемом у собеседника.

Наконец, поведение человека определяется не только эмоциями, стремлением к самоутверждению, но и представлениями о мире – *картиной или моделью мира*. С помощью языковых средств все ее компоненты могут измениться таким образом, что слушающий не будет осознавать, что он является объектом речевого воздействия. Первый инструмент, использующийся для речевого влияния, – это ***выбор слов и выражений***. При этом часто эмоциональное воздействие совмещается с обозначением отношений «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ»:

зверства – осуществляемые ими убийства, а *возмездие, зачистка* – осуществляемые нами убийства;

угроза – их способность к нанесению удара, а *сдерживание* – наша способность к нанесению удара;

гибкость – наш компромисс, *беспринципность* – их компромисс;

агрессия – оказание поддержки враждебной нам стороне, *(интернациональная) помощь* – оказание поддержки дружественной нам стороне;

стабильность – политико-экономические условия, соответствующие нашим интересам,

нестабильность – политико-экономические условия, не соответствующие нашим интересам и т.д.

Слова могут фиксировать в своем содержании различные точки зрения (*победа* и *поражение* – это описания одной и той же ситуации, рассматриваемой с разных позиций, и одно и то же событие можно назвать *победой* «Спартака» и *поражением* «Локомотива»), асимметрии в позициях участников ситуации (*рапортует* начальник подчиненному, а *консультирует* по какому-то вопросу более компетентный в этом вопросе менее компетентного и т.д.), различный логический статус элементов содержания (*обвиняя*, приписывают некоторый проступок, который предполагается предосудительным, а

осуждая, наоборот, предполагают некоторый поступок совершенным и заявляют о его предосудительности – пример Ю.Д. Апресяна).

Важную роль в установлении отношений «свой/чужой» с аудиторией играет использование жаргона, а также точный выбор обращения (кому-то приятно считаться господами, кому-то – товарищами, а кому-то – земляками, коллегами, соотечественниками, братвой, мужиками и т.д.) и надлежащее использование местоимения *мы*. В частности, пользуясь тем или иным жаргоном (например, говоря о *соборности*, *мировой закулисе*, *временном оккупационном режиме*, *отечественном товаропроизводителе*, *номенклатурном реванше*, *белопридурах* или обещая *мочить террористов в сортире*), говорящий обозначает себя как принадлежащего к той же группе, что и другие носители данного жаргона; или выказывает некое специфическое уважение к данной группе, ее ценностям, методам и так далее; или, по крайней мере, сообщает о своей осведомленности о наличии такой группы.

Очевидное средство указания – это выбор привычных и понятных (или, наоборот, непривычных и непонятных – если текст предназначен для узкого круга посвященных) слов. Примером последних может послужить всякого рода софистицированная лексика – замечательный термин, который иллюстрирует сам себя, *софистицированный* означает «мудреный».

Лекция 4

Лексические и синтаксические средства вариативной интерпретации действительности в дискурсивных телевизионных практиках

Выбрав нужные слова, можно воздействовать на образ действительности. Чаще всего для этого употребляются *эвфемизмы*, представляющие действительность в более благоприятном свете.

Эвфемизмы – слова и выражения, заменяющие другие слова и выражения с целью смягчения того, что представляется нетактичным,

неприличным, грубым по отношению к слушателю, не отвечает цели общения и может привести к коммуникативной неудаче.

К эвфемизмам, оправдывающим внутреннюю форму термина, считает Л.П. Крысин, относятся и этикетные эвфемизмы, например, *имеет отдаленное отношение* (=не имеет отношения), *предложение не нашло понимания* (=было отвергнуто), *это не совсем так* (=вы не правы), *весьма сомнительно* (=никуда не годится), *недалекий* (=глупый), *спорный* (=неприемлемый), *недостаточно корректно излагать факты* (=лгать), *взволнованный и утомленный* (=пьяный).

В.П. Москвин предлагает, помимо смягчающих, выделять и второй тип эвфемизмов – искажающие, или маскирующие, используемые с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого, снятия отрицательных коннотаций, неизбежных при номинации осуждаемого предмета. Такие эвфемизмы служат сокрытию мысли, а не ее выражению. М.Л. Ковшова называет такие эвфемизмы социально-политическими, в соответствии со сферами употребления.

Например: *позаимствовать, забыть заплатить* (=украсть), *эконом-класс, социальное жилье* (=для бедных), *малоимущие* (=бедняки), *проблемные дети, с девиантным поведением* (=хулиганы, умственно отсталые), *простой человек* (=некультурный, невежественный), *сократить* (=уволить), *оптимизировать* (=урезать финансирование), *жесткая посадка* (=падение самолета), *чрезвычайная контрацепция* (=аборт).

В отдельную группу выделяются политические и военные эвфемизмы, призванные затемнить смысл событий, преднамеренно изменить верное восприятие реальности и таким образом влиять на и структурирование мира. Например: *культ личности* (=диктатура), *изменение тарифов, либерализация цен* (=повышение), *нецелевое расходование средств* (=воровство), *миротворческая акция* (=военные действия), *Чернобыльская авария* (=катастрофа), *попадание в цель, полное решение проблемы* (=убийство противника). Сюда же примыкает вуалирующее употребление глаголов *нейтрализовать* и *обезвредить* в контекстах типа: *Надо было нейтрализовать охрану* (=

«перебить, уничтожить»), *После того, как часовой был обезврежен...* (= убит или приведен в состояние, когда он не может действовать), *физическое устранение* – вместо *убийство*.

Действия правительства, направленные на повышение цен, увеличение налогов и т.п., само же правительство называет весьма аморфным по смыслу и эвфемистическим по существу словосочетанием *непопулярные меры*.

Называя гражданскую войну *событиями*, говорящий использует излишне нейтральное именование ситуации; называя ее *крупномасштабными столкновениями вооруженных группировок в борьбе за власть* (это, кстати, словарное определение гражданской войны), он разрушает единый образ – за сложными выражениями уже не видно события. Называя нечто *трагедией*, а не *преступлением*, говорящий тем самым делает неуместным разговор об ответственности, ибо у преступления виновник есть, а у трагедии его нет.

Стремление скрыть смысл явлений просматривается и в таких обозначениях, как *воины-интернационалисты* (о советских солдатах в Афганистане в 1979-1990 гг.), *дружеская помощь* братскому афганскому народу, *ограниченный контингент войск* на территории этого же Афганистана (ср. использование более прямых номинаций *агрессия, оккупация, оккупанты* – в радиопередачах Би-Би-Си, «Голоса Америки», радиостанции «Свобода»).

Часто мелькающие сейчас на страницах печати и в эфире слова и обороты типа *пойти на крайние меры, непредсказуемые последствия, конфронтация* (применительно к ситуациям, когда идет война, хотя и, возможно, локальная), *определенные круги, соответствующие инстанции, миротворческие акции, принцип взаимности* (ср.: Право «око за око», на языке дипломатии именуемое *принципом взаимности*... – в телеэфире) и т.п. – родились в дипломатическом речевом обиходе.

Достаточно много средств языкового манипулирования предоставляет *синтаксис*:

- пассивный залог вместо активного, многочисленные конструкции с отглагольными именами (*захвачены заложники, захват заложников*). При использовании пассивного залога о реальном производителе действия можно и не упоминать: на первый план выходит само событие, а ответственность за него вроде бы никто и не несет;

- возможность описания ситуации с помощью нормальной предикации и ее свертки – номинализации. Имеется в виду трансформация типа *Дума рассмотрела законопроект, представленный правительством, в первом чтении* – *Рассмотрение законопроекта в первом чтении*.

Номинализации позволяют управлять процессом понимания, поскольку говорящий имеет возможность легко выводить из обсуждения важных актантов ситуации – вплоть до полной элиминации участников.

При этом номинализация оказывается достаточно гибким механизмом, чтобы оставить того участника, который необходим в данном речевом ходе, ср.

Рассмотрение законопроекта правительства в первом чтении окончилось неудачей или *Рассмотрение думой законопроекта в первом чтении не вызвало серьезных возражений у депутатов*;

- использование синтаксических конструкций, создающих иллюзию выбора (в результате избытка употребления связок типа *в то время, как; когда; по мере того, как* и др. происходит забалтывание, сознание, отвлекаясь на поиски смысла, попадает в ловушку).

Отметим и (особенно характерные для ТВ):

- стратегии информационной перегрузки (телевидение, использующее две репрезентативные системы – слуховую и зрительную) может наводить транс через перегрузку информацией;

- трюизмы, маскирующие инструкции под рассуждения («*Вы можете голосовать за СПС*»);

- использование противоположностей типа «Голосуй или проиграешь»;

- использование аффирмаций, исключающих отрицания. Например. Высказывание «Мы убедим людей: власть может не воровать и не лгать» фиксирует в подсознании, как известно, не воспринимающем отрицания, прямо противоположное – мы убедим людей: власть может воровать и лгать.

Еще одно эффективное средство манипуляции – **метафоры**. Являясь действенным орудием познания мира, метафора в то же время таит опасность подмены действительности ее моделью, не всегда удачной: такая модель может навязываться в ходе коммуникации с той или иной степенью сознательности – в зависимости от того, насколько глубоко укоренена метафора в языке. Так, известная метафорическая модель СПОР – ЭТО ВОЙНА, проявляющаяся в естественноречевых выражениях типа *Он защитил свои позиции, Он разбил мои доводы, Он упорно стоял на своем*, социально небезопасна в плане ее влияния на поведение человека. В споре-войне, требующем стереть с лица земли оппонента, вряд ли может родиться истина.

Обращение к метафорам всегда затрагивает модель мира. Известнейший пример речевого воздействия – использование так называемой **военной метафоры**: *борьба за мир, война с бедностью, наступление на неграмотность, сражение с коррупцией* и т.п. Эта метафора побуждает видеть мир *сквозь прорезь прицела*, а там уж на войне как на войне, жертвы неизбежны, за ценой не стоим.

Другая широко распространенная метафора – «**архитектурная**». Отсюда *перестройка и обций европейский дом, построение правового государства и выстраивание вертикали власти*.

Образ действительности меняется в зависимости от того, видится ли она как борьба, как строительство или, скажем, как движение по некоторой дороге (это так называемая метафора пути: *шаг вперед, свернуть с пути, двигаться к цели* и т.д.).

Другой пример. Манипуляция, по У. Рикеру – «такое структурирование мира, которое позволяет выигрывать». Уже в самом

этом определении содержится (может быть, неочевидная для его автора) разгадка механизма манипуляции, секрет ее эффективности. Читая это высказывание, мы, во-первых, попадаем под власть метафорической модели «*жизнь – игра*» (а в игре надо выигрывать), а во-вторых, оказываемся в плену бинарной оппозиции «*хорошо – плохо*» (выигрывать – хорошо). Но стоит использовать другой стереотип, найти другую модель интерпретации реальности (например, «*жизнь – река*», «все течет, все изменяется», и значит, нет ничего окончательного, никаких выигрышей и проигрышей в природе не существует; или – «*жизнь – театр*»: в ней все условно, мы играем роли, а как можно *выиграть* в спектакле?), стоит подобрать другую бинарную оппозицию, например, «*нужно – не нужно*» (не всякому ведь нужна *победа*, не у всякого она цель жизни, ср. афоризм «*Победа – истина подлецов*»), и произойдет чудо «собственноручного» (точнее, «собственноречного») пересоздания реальности.

Еще одно золотое дно манипуляции – *пресуппозиция*, информация, которая неявно содержится в высказывании. Например, спрашивая: *Разве вы не знаете, что беспорядки уже прекратились?* говорящий в неявном виде сообщает, что беспорядки действительно прекратились (это пресуппозиция глагола *знать*, ведь знают то, что истинно, а что-то *полагать* можно и ошибочно), они имели место (это пресуппозиция глагола *прекращаться*).

Языковое манипулирование встречается гораздо чаще, чем принято (и хочется) думать. Американский лингвист Джордж Лакофф показал, что в академической дискуссии, считающейся идеалом рационального спора, в скрытой форме представлены практически все приемы ‘нечистоплотной’ аргументации и словесной агрессии – т.е. весьма грубых разновидностей языковой манипуляции. Выражения типа *Несомненно, что...* и *Очевидно, что...* могут рассматриваться как запугивание, (кто захочет признаться, что не понимает очевидного?); выражение *Сказать это означало бы впасть в известное заблуждение* – как угроза; ссылки наподобие ср. *ФЕРШЛЮГЕНХАЙМЕР 1954* – как обращение за защитой к авторитету; слова *Для того, чтобы избежать*

позитивистских ошибок – как отрицание авторитета; *Назовем такую теорию ‘узким’ рационализмом* – как оскорбление; *В его вдохновляющей статье* – как лесть и т.д.

Лекция 5

Потенциал паралогических и риторических приемов в современном медийном дискурсе. Инструменты манипулятивного аргументирования

Особенности преобразования и подачи информации манипулятором (умолчание, селекция, передергивание, искажение, переворачивание, конструирование информации).

Паралогические приемы в функции воздействия (размывание и подмена понятий, «блистательная неопределенность», подмена имени и предмета и др.).

Нарушение постулата количества с целью манипуляции (приемы умолчания – апосиопеза, аллюзия, пресуппозиции, имплицатуры и др., приемы введения второстепенной, «лишней» информации).

Воздействующий манипулятивный потенциал риторических приемов (штампы, метафорические модели, ролевые стереотипы, «аффективы», «навешивание ярлыков» и др.).

Языковое варьирование как важнейший источник имплицитного воздействия языка на сознание

Речевое воздействие осуществляется не только в сфере массовой коммуникации, публичной политики, рекламы и т. д. Повседневное использование языка, любая непринужденная беседа предполагает влияние на восприятие мира собеседником, структурирование мира. Из этого следует, что «нейтральное» выражение вряд ли возможно. Говорящий не только имеет возможность выбирать различные варианты выражения того или иного содержания, но и вынужден осуществлять этот выбор.

Близкую аналогию можно увидеть в сфере грамматики (язык навязывает говорящему выбор той или иной грамматической категории – ед. или мн. число, время, вид – независимо от того, нужно ли это реально с позиции коммуникативных намерений говорящего).

Например, в языке есть средства для различного описания одной и той же ситуации, правила выбора которых четко не определены (*Стакан наполовину пуст – полон*).

Сами по себе языковые механизмы вариативной интерпретации действительности принципиально не привязаны к выражению истины или лжи. Одни и те же лингвистические способы выражения смысла и описания ситуации применимы как для искажения истины, так и для ее прояснения.

Преобразования условно «нейтрального» описания положения дел могут приводить к совершенно различным интерпретациям.

Например, *аннулирующее преобразование* приводит к исключению из описания некоторой части положения дел (участника, события). Наиболее частыми случаями этого преобразования является *умолчание и полуправда* (сообщается лишь информация, которая выгодна говорящему, и умалчивается та, которая ему невыгодна и которую не должен знать реципиент).

В одной из работ обсуждаются заголовки статей различных газет по поводу одного и того же события – расстрела демонстрации чернокожего населения в тогдашней Южной Родезии (Language and control 1979). Множество заголовков может быть описано как применение трансформаций – синтаксических механизмов ВИД:

«Полиция расстреляла африканцев» – прототипически полный вариант описания ситуации;

«Африканцы расстреляны полицией» – пассивизация выводит из центра внимания одного из участников ситуации – полицию, что в каком-то смысле уменьшает ее ответственность за происшедшее;

«Африканцы застрелены насмерть» – опущение агенса – участника, ответственного за происшедшее;

«*Погибли африканцы*» – действие превращается в состояние; тем самым инициатор действия даже не подразумевается;

«*...смертные случаи...*» – из обсуждения исчезает не только инициатор действия, но и пострадавшая сторона;

«*Фракционность ведет к жертвам*» – введение псевдопричины.

Существуют различные *лингвистические способы создания оценки*.

Наиболее незаметным для адресата оценочным способом является внедрение фактологической информации в концептуальную, **селекция** приемлемых фактов и аргументов. Умелый подбор фактов, акцентирование только одной стороны явления (нужной автору) и затушевывание другой, а иногда и умолчание помогают рисовать образ события в черных либо в розовых тонах.

*Так, во время американской предвыборной кампании 1996 года сторонники будущего президента, создавая положительный образ Билла Клинтона, умело акцентировали его молодость, энергичность, открытость. Все отрицательные стороны личности не обсуждались. Главного соперника Клинтона, бывшего главу республиканского большинства в сенате Роберта Доуэла, также рассматривали с точки зрения возраста: он намного старше Клинтона. И из этой посылки делали только негативные выводы. Соратники Доуэла пытались исправить ситуацию, запустив в ходе кампании положительный слоган «кристально чистый старый солдат», характеризующий их депутата с привлекательной стороны. Но навязанная оппозиция молодость / старость, естественно была решена в пользу молодости, т. к. в семах противопоставленных слов уже заложены противоположные знаки оценки. Толковый словарь определяет слово «старость» как «сменяющий зрелость возраст, в котором происходит постепенное **ослабление деятельности организма**». Если бы такая оппозиция не была выстроена, «старость» Доуэла сама по себе, вне сравнения с «молодостью» Клинтона, не получила бы отрицательной оценки. Вне противопоставления*

«старость» соотносится с «мудростью», «опытностью». Таким образом происходит мифологизация речевых средств, обслуживающая определенные идеи.

Итак, к приемам манипулятивного аргументирования в теледискурсе можно отнести следующие:

- Селекция приемлемых фактов и аргументов.
- Специальный подбор фактов для усиления или ослабления значимой для формирования мнения информации.
- Полуправда, когда сообщается лишь информация, которая выгодна говорящему, и умалчивается та, которая ему невыгодна и которую не должен знать реципиент. Крайнее и в настоящее время редкое проявление этого приема – пристрастная ложь.
- Акцентирование несущественных, но выгодных для говорящего компонентов информации.
- Прием обобщений и типизации событий и явлений, способствующий стереотипизации ситуаций, событий, личностей. При этом игнорируется то, что отличает события и явления друг от друга.
- Оперирование сравнительными данными, изменение истинных масштабов событий и явлений – преуменьшение и преувеличение их значимости. Подвидом этого приема является превращение ряда событий в серьезную проблему, например, затрагивающую интересы нации.
- Дробление подачи информации, приводящее к ситуации неопределенности.
- Фактор времени: скорость подачи информации, ее схематичность (детальность), расположение в ряду других фактов и аргументов.
- «Двойные стандарты» или «готтентотская мораль», предполагающая смену коннотаций, когда одни и те же доводы признаются убедительными, если они высказываются в защиту своей позиции, и неприемлемыми когда их высказывает оппонент.

- Создание иллюзии непредвзятости и объективности, при этом при высказывании противоположных взглядов приемлемые для манипулятора взгляды ставятся в «сильную позицию» конца, лексически оформляются нейтрально или позитивно и т.д.

- Использование софизмов и специальных инструментов.

Среди **приемов эмоционального воздействия** в совокупности с суггестивным воздействием выделяются:

Общепсихологические:

- Опора на позитивную и на негативную установку в отношении личности коммуникатора (факта или объекта информации).

- Использование позитивных и негативных склонностей адресатов.

- Передача своего эмоционального отношения к информации - эффект заражения и уподобления.

- Использование эмоционально-оценочных стереотипов (например, осуждение несправедливости), типажей (например, школьный учитель), уникальных символических фигур (например, Билл Гейтс), стандартных семиотических оппозиций (например, свой - чужой).

- Использование управляемых ассоциаций - связей между психическими явлениями, образуемых при определенных условиях, когда актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление другого (например, описание вкуса, полезности и эстетически приятной формы продукта вызывает аппетит).

Психолингвистические и лингвистические:

- Использование возможностей речевой динамики (изменение тона, громкости голоса, темпа речи, модуляции и др.).

- Эмоционально окрашенные повторы; частое повторение простых лозунгов и призывов. Ослабление концентрации внимания на их смысле способствует тому, что идея оставляет мнемонические следы в памяти человека, достаточно глубоко врезаюсь в подсознание (хотя нельзя игнорировать и смысловую аттрицию слова из-за его

частого употребления). Постепенное приучение реципиента к какому-либо бездоказательному утверждению (призыву) при помощи его повторения часто заканчивается объявлением его очевидности.

- Использование номинаций для игры с эмоционально-оценочными коннотациями: парафразов, эвфемизмов, «ярлыков». Например, приемом манипулятивного РВ является утверждение о б'льшей полезности для общества Билла Гейтса, чем некоего школьного учителя. Пристрастная оценочность создается контрастом уникальности и типичности, материального благосостояния (с ярлыком «успешности») и его отсутствия; ключевым же инструментом является несоизмеримость «пользы» в качественном и количественном отношении:

- Использование риторических фигур и тропов.
- Конкретность смысла высказывания и образность (визуальная, аудиальная) ключевых слов, их яркие кинестетические характеристики.

- Использование языковых приемов рефрейминга.
- Игра с референтными индексами (то есть конкретными существительными, которые специфически именуют что-либо в опыте реципиента).

- Использование обобщенных и абстрактных глаголов, не объясняющих, как именно делать что-либо – реципиенту оставляется свобода выбора. Номинализация – использование абстрактных процессуальных существительных. Этот прием обладает свойством стирания информации (злость – на кого?, «грустинка» – в связи с чем?), инициирует «трансдеривационный» поиск, расширяет выбор реципиента.

- Вставленные команды – введение в предложение обращения (имени реципиента, местоимения 2-го л.), так что высказывание, следующее за обращением, становится для реципиента директивой.

- Установка якорей – маркировка событий, идей, персонажей интонациями, жестами, прикосновениями и т.д. с тем, чтобы внедрить их в пределы внимания и зафиксировать в сознании (подсознательном) реципиента.

- Использование ассертивов, иначе говоря, преобладание «да» в значении утверждения, согласия и одобрения и избегание слов «нет» и «не» (экспериментально установлено, что последние формируют отрицательное отношение к сказанному – запрет, ограничение, навязывание, желание поставить в подчиненно-зависимое положение).

Инструменты манипулятивного аргументирования

1. Софизмы постулирования и аргументирования – «материальные» ловушки, при которых происходит подмена тезиса, либо тезис скрыто предполагает вывод, производятся подмены аргументов; вербальные и формальные ловушки (ошибочные силлогизмы). Среди подмен аргументов особо упомянем «призыв к благоговению» (*ad verecundiam*), куда входят:

- Подмена истинности полезностью, выгодностью, прогрессивностью, новизной, материальным или абстрактным благом; ссылка на прецедент («это известно еще с древности»).

- Апелляция к авторитетным источникам. Как подвид сюда входит использование довода, который оппонент может принять без возражений («Вам, конечно, известно...»), иногда с последующим упреком: «Как, вы этого не знаете (не читали)?».

- Апелляция к авторитету науки. Как подвиды – придание аргументам наукообразия, использование непонятных слов и терминов.

- Апелляция к собственному авторитету («Как руководитель, возглавляющий отдел, я авторитетно заявляю, что...»).

- Апелляция к авторитету с элементом мистификации: отсылка в качестве аргумента к «высшим интересам» без их расшифровки или доказательства; недосказанность с намеком на «особые мотивы». Среди вербальных инструментов софистики любопытна импликация (материальная импликация), приблизительный логический эквивалент оборота «если..., то...». Она проявляется в высказываниях на лексическом, грамматическом, интонационно-просодическом и синтаксическом уровнях, предполагает наличие в высказывании

маркеров объективной и/или субъективной модальности. Пример лексико-грамматической импликации – «В России и сейчас нет демократии» (Если ..., то и раньше в России не было демократии), пример лексической импликации – «те, кто считает себя абсолютно здоровым» (Если ..., то на самом деле здоровыми не являются). Импликация широко используется в целях убеждения.

2. Софизмы оспаривания:

- *reductio ad absurdum* («сведение к абсурду»): опора на прошлое заявление оппонента и демонстрация противоречивости его нынешнего заявления; видимая поддержка аргумента оппонента с последующей видимостью его тщательной проработки и демонстрацией его несостоятельности («Да, но...»); «Троянский конь»: 1) кажущийся переход на сторону оппонента, 2) искажение его основного тезиса и доводов, 3) горячая защита искаженного тезиса и доводов; «бумеранг»: 1) видимая поддержка оппонента, нахождение плюсов в его аргументации, 2) предложение найти плюсы в аргументации говорящего, 3) концентрация на найденных положительных моментах в аргументации говорящего.

- *plurimum interrogationum*

а. Принуждение к строго однозначному ответу (да – нет), когда ответ может быть разным в зависимости от отдельных аспектов явления.

б. Принуждение к однозначному ответу (да – нет) на вопрос, в основе которого ложная исходная предпосылка («Вы прекратили бить свою жену?»; «За что мы платим?»).

- «лингвистическая косметика» – перефразирование и резюмирование. Как вариант этого типа можно рассматривать мнимое непонимание и недопонимание: «Итак, вы полагаете...» с последующим искажением мысли оппонента.

3. Эмоциональное воздействие и софистика *ad hominem* («к человеку»), когда доказательство тезиса подменяется ссылками на личные качества человека (людей), как-либо связанных с дискуссией. Доводы оппонента в свое оправдание отвлекают от проблемы дискуссии.

1. *Агонатная (конфликтно-провоцирующая) стратегия* – психологическая девальвация личности оппонента, девальвация его аргументации без доказательств:

- Тактика компрометации, разоблачения оппонента.
- Тактика «чтение мыслей на подозрение» – предположения о скрываемых мыслях и интенциях оппонента.
- Тактика игнорирования личности и аргументации оппонента.
- Тактика девальвации аргументации оппонента суждениями типа: «это банально (примитивно)», «ваше заявление свидетельствует о недостатке знаний (опыта)», «гладко было на бумаге, да забыли про овраги» (постулирование проблематичности и утопичности, связанных с заявлением оппонента), «это лишь ваше личное мнение» (сведение факта к личному мнению).
- Тактика раздражения оппонента и принижения его в глазах публики при помощи иронии и сарказма. Например, отвлекающая ирония («Извините, но вы говорите вещи, которые выше моего понимания»).
- Тактика ребячливости, фамильярности в споре с оппонентом – снижение стиля в рассуждении о личности и доводах оппонента. Например, «рабулистика» – преднамеренное искажение смысла высказываний оппонента, преподносящее их как забавные или странные (обыгрывание формы высказывания оппонента с помощью каламбуров, акцентирование неудачных формулировок, оговорок и т.д.).
- Перебивание и многовопросье как тактики приведения оппонента в замешательство.
- Переход на личность. Пример: «Вы утверждаете, что среди безбожников есть порядочные люди. Но я знаю, что вы бросили жену с детьми».
- Аналогия оппонента с часто критикуемыми лицами, имеющими сходное мнение. Пример: «Гитлер и Сталин полностью с вами согласились бы».

- Демонстрация обиды, страдания, ущерба, претерпеваемых по вине оппонента («Вы за кого нас принимаете?»). Объектом воздействия в этом случае чаще являются третьи лица, которые бессознательно солидаризируются с говорящим. Говорящий совместно с публикой пытаются воздействовать на оппонента при помощи «общественного мнения».

- Апелляция к чувствам собственного достоинства или собственной значимости оппонента («Как вы можете так унижаться?»).

2. *Гармонизирующая стратегия*, цель которой – обольщение оппонента, разрядка психологической напряженности, видимость сближения с оппонентом:

- «Псевдоуважение» – выражение формального, этикетного, статусного уважения.

- Сближение социальных и межличностных ролей «сверху вниз» или «снизу вверх».

- Лесть или комплимент (иногда в сочетании с уступительными придаточными с «но», «хотя»). Лестные обороты речи: «Как человек УМНЫЙ, вы не можете не признать...».

3. *Стратегия «призыва к народу» (adpopulum)* – популизм, игра на популярности, фасцинация (очарование, использование притягательности):

- Тактика позитивной репрезентации и саморепрезентации (восхваление, самореклама, подчеркивание связи с успешными, знаменитыми и др. людьми).

- Уподобление «своему кругу» оппонента в базовой семиотической оппозиции «свой – чужой».

- Игра на популярных идеях и стереотипах, например, на осуждении несправедливости.

- Ложная самокритика («Знаете, чего нам не хватает?.. Наглости!»).

- Подмена поиска истины эмоциональностью (откровенность заявления, переводение спора в русло рассказа о собственном опыте).

- Тактика обособления от объектов критики, демонстрация собственной уникальности.

4. Стратегия «призыва к сочувствию, состраданию» (*ad misericordiam*).

5. Стратегия «апелляции к силе» (*ad baculum*) - навязывание вывода благодаря явной или скрытой угрозе. Например, «неверующие и представители другой веры не спасутся».

РАЗДЕЛ 2

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕЖУРНАЛИСТА

Лекция 6

Понятие и составляющие языковой компетенции и языковой личности. Языковая и речевая рефлексия как признак развитой языковой личности

Языковая компетенция – лингвистический уровень владения языком: хорошее знание системы данного языка его фонетических единиц и законов, словарного состава, грамматических форм и моделей, стилей и стилистических средств, а также коммуникативные навыки, которые обеспечивают носителю языка возможность создавать и понимать речь (тексты) разной степени сложности и разной целевой направленности. Компоненты языковой компетенции: нормативный, коммуникативный, этический.

Термин «языковая компетенция» был введен Н. Хомским в контексте лингвистических исследований. Он рассматривал ее как полное знание о родном языке, которое позволяет «идеальному говорящему-слушающему» судить о правильности и осмысленности высказываний.

Это знание описывается грамматикой, включающей в себя набор правил, регулирующих порождение всех возможных в данном языке структур предложений путем преобразования исходной конструкции, а также описание грамматических отношений в самих предложениях и между ними.

Языковая компетенция – сложная психологическая система, включающая в себя, помимо усвоенных в ходе специального обучения *сведений о языке*, накопленный в повседневном использовании языка *речевой опыт*, и сформированное на его основе *чувство языка* (определение Е.Д. Божкович).

Одним из требований, предъявляемых к современному тележурналисту в документах о профессиональной деятельности,

является требование к языку текстов, которое гласит: «Стремление к чистоте, правильности, отказ от неоправданного, примитивно-подражательного заимствования иностранных слов, употребления ненормативной лексики, сленговых и жаргонных выражений» (Хартия телерадиовещателей России, 1990).

Говоря о специфике составления текста в СМИ, М.А. Кронгауз, например, выделяет в современном русском языке вербальные «группы риска», то есть слова, вызывающие у людей разнообразные эмоции, в частности агрессивные, к которым он справедливо относит криминальную лексику, молодежный сленг, язык гламурных изданий, язык Интернет-коммуникации и др. Отношение к этим словам может варьироваться в зависимости от возраста, социального положения и т.п. Тележурналист, работая над текстом, должен это учитывать. Он должен прогнозировать результат воздействия этой группы лексики и фразеологии на своего адресата, на его эмоционально-оценочное поле. Текст с подобной лексикой и фразеологией не должен вызывать агрессию со стороны адресата, а призван быть, по крайней мере, реалистичным с точки зрения речевых характеристик определенных социальных и асоциальных групп людей, чем и будет мотивироваться использование в тексте ненормированной лексики и фразеологии.

Понятие языковой личности. Определяющие черты развития, коммуникативные потребности, соотношение общезыкового, группового, индивидуального в речи языковой личности, уровень развития языковой личности. Языковая личность как субъект современного теледискурса. Понятие языкового вкуса применительно к современной тележурналистике. Типы речевой культуры (по О.Б. Сиротининой).

Понятие языковой рефлексии как критического отношения к языку и склонности к размышлению над фактами языка и речи. Рефлексия «наивного» говорящего над языком и коммуникацией. Речевая и языковая рефлексия в современном теледискурсе как способность не просто к грамотному автоматизму, а к сознательному творчеству и речевому самоконтролю.

Внутренняя форма слововочетания «языковая личность» достаточно прозрачна. Этими словами можно назвать каждого из носителей языка, со всеми присущими ему характеристиками: возрастом, полом, образованием, профессией, коммуникативными потребностями, кругом чтения и многим другим.

Описание языковой личности (ЯЛ) включает в себя несколько групп признаков.

1. Определяющие черты развития ЯЛ: внешние (общая социальная ситуация, семья, круг общения, школа, СМИ, массовая культура) и внутренние (пол, возраст, темперамент и другие психологические характеристики – доминантность, мобильность, экстравертность-интравертность); степень восприимчивости ЯЛ к коммуникативным воздействиям, которым она подвергается.

Каждый говорящий испытывает воздействие ряда **внешних факторов**, определяющих его индивидуальную языковую картину мира, коммуникативное поведение, особенности речи. В зависимости от **места проживания** человека в речи его могут обнаруживаться диалектные или региональные черты: произносительные особенности, слова и выражения, ограниченные территориально. Городская или сельская жизнь влияет на культурно-языковые стереотипы людей, например, на оценку расстояния «далеко/близко», времени «рано/поздно», на речевой этикет (нужно ли здороваться со всеми соседями, приветствовать продавца, приходя в магазин и т.д.).

2. Уровень развития ЯЛ – категория оценочная. Объективно его установить непросто. Недавно предложенный лингвистами способ оценить «качество» языковой личности – определить ее принадлежность к одному из **типов речевой культуры**.

Выделение типов речевой культуры (в исследованиях О.Б. Сиротининой, В.Е. Гольдина и др. лингвистов) основано на комплексе признаков:

1) собственно *лингвистических*: произношение, формообразование, словоупотребление, использование синтаксических конструкций с точки зрения соответствия нормам литературного языка;

2) поведенческих: соответствие поведения личности в коммуникации **этическим** нормам;

3) коммуникативно-**риторических**: эффективность общения, целесообразное построение текстов;

4) **общекультурных**: характер прецедентных текстов, стремление к совершенствованию своих знаний и владения языком, к самопроверке своей речи и знаний (или отсутствие такого стремления).

Сформировались и четко очерчены следующие типы речевой культуры:

1) в пределах литературного языка:

— **элитарный** (предполагает максимально полное владение всеми возможностями языка: умение использовать нужный в данной ситуации функциональный стиль, умение различать нормы устной и письменной речи, соблюдение всех норм литературного языка – ошибки могут быть единичными или допускаться специально, – владение образными средствами, прецедентными текстами из художественных произведений, афоризмами, крылатыми фразами из культурного наследия человечества);

— **среднелитературный** (характерен для людей, владеющих только двумя функциональными стилями – обиходно-бытовым и разговорным);

2) за пределами литературного языка:

— **просторечный**;

— **народно-речевой**;

— **жаргонизирующий**.

В чем состоят конкретные различия между разными типами речевой культуры?

- Различия в **лексике**. Фамильярно-разговорный тип отличается ярко выраженной насыщенностью речи его носителей сниженной и грубой лексикой, предпочтением жаргонизмов литературным словам.
- Использование **синтаксических конструкций**, в речи элитарного типа соответствующих нормам литературного языка, в речи других типов культуры подвергается **ненормативным видоизменениям**. Например, недопустимые построения

с деепричастными оборотами типа *Прочитав эти воспоминания, создается впечатление; Готовясь к эфиру, мне показалось...*; Ср. также: *играться с законами; с обеих сторон; в районе* (вместо «около») *десяти часов, как сказано выше/будет сказано ниже, нет ни грамма совести* (вместо «совсем»); *эта книга интереснее, нежели чем друга; я уважаю цифры; очень прекрасный, очень умнейший*; слова-паразиты: *вот, значит, это, как бы, на самом деле, скажем так, грубо говоря, честно говоря, так сказать*.

- Другой признак, различающий речевые культуры, – **отношение к речевым ошибкам**. Речевые ошибки возможны в речи каждого человека, особенно в спонтанной речи, граница элитарного и среднелитературного типа речевой культуры проходит именно здесь: носитель элитарного типа может ошибиться, но знает, что это ошибка, и осознает, что ошибся, если не в момент произнесения, то при прослушивании записи. Носитель же среднелитературного типа и не подозревает об ошибочности тех или иных ударений, ненормативного употребления предлогов и т.д.
- Отношение к **языковым изменениям**. Языковые изменения идут во всех типах речевой культуры, в том числе и в элитарном, хотя он по отношению к ним наиболее устойчив. Одни из этих изменений лежат на поверхности, например, **отказ от выобщения с родителями**, отраженного в «Войне и мире» Л.Н. Толстого, но в XX веке сохранившегося уже только в просторечном типе... Другие изменения выступают в устной речи носителей элитарного типа как случайные ошибки, а «носителями иных типов речевых культур широко используются и в письменной речи и не осознаются ими как ошибочные», например употребление «как» в конструкциях типа *Он назван как лучший игрок чемпионата* (вместо: *лучшим игроком чемпионата*).
- Носители разных речевых культур различаются **по степени учета речевой ситуации при выборе языковых средств**. Наиболее развито чувство функциональной и стилистической дифференциации языка у носителей элитарной культуры. Это касается, например,

используемых **типов конденсации информации**. В устной научной речи представителей элитарной культуры очень велико количество существительных, производных от прилагательных и глаголов, способных заменить целое предложение, типа *изменчивость, мобильность, простота; написание, ускорение, стабилизация* и т.п. В телевизионной речи на «общечеловеческие» темы те же носители языка употребляют крайне мало таких слов, в неофициальной разговорной речи практически совсем их не используют. У представителей среднелитературного типа такие «свернутые» номинации изобилуют и в разговорной, и в телевизионной речи, поскольку носители среднелитературного типа стремятся сделать свою речь более книжной. Книжная речь представляется им «более высокой, более правильной» вне зависимости от ситуации общения. Носители фамильярно-разговорного типа практически не используют «свернутых» номинаций даже «там, где они были бы уместны, в том числе в рассуждениях на серьезные общественно-политические темы».

- **Отношение к заимствованиям.** Как это ни парадоксально, меньше всего заимствованных слов используется в речи носителей элитарного типа, поскольку в ней нет ненужных иностранных слов (даже в просторечном типе речевой культуры их гораздо больше из-за стремления говорить «культурно»).

Наиболее **яркими выразителями** русской речевой культуры как национальной были и будут **элитарный и народно-речевой типы**. Сохранность национальной самобытности русской речевой культуры в элитарном типе наиболее ярко проявляется в **соблюдении русских коммуникативных норм: именование людей по имени-отчеству, разграничение ты- и вы-общения, официального и неофициального общения**. В других типах речевой культуры эти нормы не только не соблюдаются, но и целенаправленно, особенно в средствах массовой информации, заменяются нормами иных национальных культур, прежде всего англо-американской.

Ни о каком **катастрофическом состоянии** русской речи применительно к носителям элитарного типа речевой культуры **говорить не**

приходится. В их речи представлен тот язык, который отражен в словарях и справочниках, научных грамматиках, функциональных и стилистических исследованиях. Проблема лишь в том, что слой носителей элитарного типа делается все тоньше, а преобладают среди образованного населения носители среднелитературного типа.

Каждой языковой личности свойственна **языковая рефлексия**, точнее говоря, **рефлексия языковая и речевая**, то есть размышление над фактами языка как такового и над речью своей и других людей. «Каждой личности» – это не преувеличение. Самые элементарные проявления речевой рефлексии – слова и выражения *точнее говоря, если можно так выразиться, грубо говоря, проще говоря, так сказать, как бы, типа, чисто...* С их помощью мы оцениваем соответствие нашего слова вещи, которую оно называет, иными словами, адекватность номинации. *Иными словами, то есть* в этом абзаце – тоже знаки речевой рефлексии, показывающие желание говорящего уточнить или пояснить только что сказанное, неудовлетворенность первым выбранным обозначением. Такие знаки называются еще **«метаязыковыми»**. **«Это «слова о словах», а не о мире.**

Языковой вкус, в обыденном понимании, это то, что нравится или не нравится человеку в языке и речи. Научное определение языкового вкуса дает академик В.Г. Костомаров: языковой вкус — «система идейных, психологических, эстетических и иных установок человека или общественной группы в отношении языка и речи на этом языке. Эти установки определяют то или иное ценностное отношение человека к языку...»

РАЗДЕЛ 3

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ (НОРМАТИВНАЯ) СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТА

Лекция 7

Понятие языковой нормы применительно к аудиовизуальной (телевизионной) среде. Акцентологические, орфоэпические и лексические нормы

Вопрос о языковых нормах и причинах их изменения как предмет для дискуссии в современной тележурналистике.

Стили произношения применительно к современному теледискурсу. Знание особенностей профессионального произношения и активных процессах в области орфоэпии как составляющая языковой компетенции современного тележурналиста.

Тенденции современного русского произношения (усиление «буквенного» произношения, фонетическая адаптация иноязычных слов и др.). Нормы в области ударения. Акцентные варианты. Причины акцентных изменений. Тенденции в области ударения (тенденция к ритмическому ударению, тенденция к грамматикализации и др.).

Особое внимание тележурналистам как профессионалам, работающим в устном жанре, следует уделять верному произношению слов и правильному ударению. **В условиях телеэфира цена ошибки возрастает неизмеримо**, а потому говорящие на телевидении – как журналисты-профессионалы, так и их гости – должны учиться следить за своей спонтанной речью. Только в этом случае их речь будет выглядеть культурной.

Ударения в русском языке не случайны, они создают особый ритмико-интонационный рисунок речи, делают её музыкальной. (Подробнее об этом см. в Практикуме).

Часто делаются ошибки в следующих словах:

звонить, звонишь, звонит, звоним, звоните, звонят;

торт, во всех падежах и числах ударение в корне – *торта, тортом, тортам, торты, тортами;*

красивее;

водопровод;

деньги, дат. *деньгам*, тв. *деньгами*, пр. о *деньгах* (устарелое – *деньгам, деньгами, о деньгах*);

зубчатый;

знамение (не *знамение*);

каталог (не *каталог*);

маркетинг (не *маркетинг*);

мусоропровод;

мышление (устаревающее и книжное – *мышление*);

обеспечение (не *обеспечение*);

сирота, мн. *сироты, сирот, сиротам* (не *сироты, сиротам, сирот*);

скреплённый (не *скрепленный*);

средство, мн. *средства*;

сосредоточение (не *сосредоточение* и не *сосредоточие*);

столяр (не *столяр*);

сцепленный (не *сцепленный*);

убрать, прош. *убрал, убрала* (не *убрала*);

уведомить (не *уведомить*), прич. *уведомленный* (не *уведомленный*);

удостаивать (устарелое – *удостоивать*) – гл. несов. вида;

углубить, углубит, углубиться, углублённый;

умерший (не *умерший*);

щекотно (не *щекотно*).

Правильно произносить:

сгибаться (не *сгинаться*);

стлать и допустимо *стелить*;

зев (не *зёв*).

Лексические нормы

Знание норм лексической сочетаемости как составляющая языковой компетенции современного тележурналиста. Плеоназм, тавтология и способы их устранения в речи. Речевая избыточность, речевая недостаточность, смысловая неуместность и способы их устранения в современном теледискурсе. Дискуссия об отношении к заимствованиям в современном теледискурсе. Понятие пуризма. «Языковые сорняки» в современном теледискурсе: причины появления и способы устранения. Правила употребления фразеологизмов и других устойчивых сочетаний. Фразеологическая контаминация. Явление паронимии в русском языке. Неразличение (контаминация) паронимов как речевая ошибка и способы ее устранения.

- **Речевая избыточность** является следствием многословия, употребления выражений, содержащих однозначные и тем самым излишние слова (плеоназмов: от гр. *pleonasmus* – излишество), использования полных синонимов (если только это не связано со стилистическим заданием, например, в градации, построенной на синонимах). Например: *продолжать дальше* (в значении слова *продолжать* уже есть компонент «дальше»), *впервые знакомиться* (*знакомится* означает именно первую встречу), *моральные и нравственные проблемы, более передовой, более худший, вернуться обратно, главная суть, главный лейтмотив, нарисовать рисунок, ответная контратака, перспективы на будущее, проливной ливень, самый высочайший, самый новейший, так например* (прилагательные выражают очень близкие, почти тождественные понятия – являются полными синонимами), *150 рублей денежных средств* или **Следует учитывать следующие факторы* (тавтология) – употребление в пределах одной фразы однокоренных слов или слов, дублирующих значение друг друга.

- **Речевая недостаточность** – случайный пропуск слов, необходимых для точного выражения мысли. В результате возникает

неясность, неоднозначность понимания текста. Чаще всего эту недоговоренность создает пропуск зависимого слова при глаголах речи, мысли восприятия.

- **Смысловая (семантические) неуместность** возникает тогда, когда значение, присущее в литературном языке слову или фразеологизму, не соответствует контекстному употреблению данного слова или употреблению словосочетания. Нередко это ведет к искажению смысла всего высказывания. Чаще всего смешиваются значения слова, близких по звучанию (паронимов). Например: * *Командировочный* прибыл в указанное время. *Командировочный* - образовано от слова *командировка* и обозначает предметы и обстоятельства, связанные с этим понятием {*командировочное удостоверение, получить командировочные*). *Командированный* - человек, направленный в командировку {*командированный специалист*).

- **Нарушение лексической сочетаемости** слов в большинстве случаев является следствием неосвоенности лексического значения в совокупности всех его оттенков. Например, словосочетание *верить в неминуемую победу* нельзя считать правильным, так как слово *неминуемый* хотя и близко по значению к слову *неизбежный*, но сочетается со словами обозначающими что-то нежелательное: *неминуемая беда, неминуемая война; неминуемая гибель* и т.п.; следует сказать: *верить в неизбежную победу*. Ненормативным будет сочетание *большинство времени*, так как существительное *большинство* сочетается со словами, обозначающими предметы, которые поддаются счету: *большинство авторов, большинство фирм, большинство голосов*; а также собирательными существительными: *большинство населения, большинство народа*, поскольку в собирательном значении заключено понятие о каком-то количестве однородных единичных предметов. Этим условиям удовлетворяет слово *время*, поэтому следует сказать: *большая часть времени*. Вместо *увеличение уровня благосостояния* нужно сказать

повышение уровня благосостояния, потому что уровень может повышаться или понижаться, но не увеличиваться или уменьшаться.

- **неверное использование фразеологизмов и устойчивых сочетаний.** Помните, что при употреблении фразеологических средств языка нельзя допускать смешение (контаминацию) компонентов близких по значению устойчивых сочетаний пропуска, замены, вставки лишних слов, изменения грамматической формы слова во фразеологизме (если это вызвано особым стилистическими задачами). Так в предложении: *Качество выполненной работы заставляет желать много лучшего* (искажено устойчивое сочетание *оставляет желать лучшего*). Искажение состава фразеологизма в результате различных лексических подмен («*развязать гордиев узел*» – вместо «*разрубить гордиев узел*»), изменение принятой грамматической формы слов, входящих в состав фразеологизмов («*покривить в душе*» – вместо «*покривить душой*»), усечение фразеологизма («*не сойдет*» – вместо «*не сойдет с рук*»), скрещение близких по значению или по лексическим признакам фразеологизмов («*играть значение*» – вместо «*иметь значение*»).

- **стилистическая неуместность.** При выборе из лексико-фразеологических ресурсов языка наиболее точно, уместного слова или устойчивого выражения нужно учитывать их стилистическую окраску. Достаточно часто немотивированно используются, с одной стороны, сниженная лексика (*разговорные и просторечные слова*), с другой стороны, лексика сугубо книжная, официально-деловая (*канцеляризм, речевые штампы*).

Лекция 8

Грамматические нормы

Грамматические нормы русского языка. Колебания в роде имен существительных в современном теледискурсе. Род несклоняемых существительных. Род аббревиатур. Женские соответствия мужским наименованиям лиц. Склонение собственных имен

существительных: фамилий и географических названий. Особенности склонения количественных и порядковых имен числительных. Правила употребления личных местоимений в теледискурсе. Правила употребления форм степеней сравнения имен прилагательных и типичные речевые ошибки при их образовании. Правила образования деепричастий. Параллельные формы деепричастий. Правила употребления деепричастных оборотов. Правила согласования сказуемого с подлежащим. Правила построения предложений с однородными членами. Порядок слов в современном теледискурсе. Правила построения сложных предложений. Типичные ошибки в построении сложных предложений в современном теледискурсе.

Под грамматической ошибкой обычно понимается нарушение норм **словообразования** (закономерностей построения слова), **морфологии** (правил образования и употребления форм различных частей речи) и **синтаксиса** (законов построения словосочетаний и предложений).

Наиболее распространённые речевые грамматические ошибки:

- *класть* (несоверш. вид), но ни в коем случае *положить*; глагол *ложить* употребляется только с приставками (*наложить, переложить*) или с *-ся* на конце (*ложиться*);
- *положить* (соверш. вид), но не *покласть*; глагол *класть* употребляется без приставок (*кладу, кладёте*);
- *ляг, ложись, положи* (повелит, наклонение), но не *ляжь, ложи*; правильно склонять *лягу, ляжешь, ляжет, ляжем, ляжете, лягут*;
- *директора, доктора, профессора* (множ. число) – с ударным *а* на конце слова;
- *лекторы, конструкторы, шофёры* (множ. число) – с безударным *ы* на конце;
- *пара ботинок, валенок, сапог, туфель, чулок, носков* (род. падеж множ. число);
- *ехать* в повелительном наклонении употребляется с приставками *поезжай (те), съезди (те)*, но не *ехай (те), поехай (те)*.

- слова *победить, убедить, чудить, очутиться, оцутить, пылесосить* не имеют формы 1-го л. ед. числа (*победю, убедю* и др.), их можно заменить сочетаниями *одержу победу, смогу убедить*;
- правильно говорить *пришёл из школы*, а не *со школы*, предлог *со* обозначает движение сверху вниз (сравните: *выйти из автобуса – сойти с трапа*);
- *их* (притяжат. местоимение), но никак не *ихний*; *по-их*, а не *по-ихнему*;
- *его, её* (притяжат. местоимение), нельзя *евонный, ейный*;
- правильно спрашивать *сколько времени?* (род. п.), а не *сколько время?*; *который час?*, а не *сколько часов?*;
- наречие *обратно* нельзя употреблять во временном значении, следует говорить *снова, вновь, опять*;
- *благодаря* (предлог) употребляется вместе с зависимым словом в дат. падеже (кому, чему), нельзя путать с деепричастным оборотом *благодаря кого-либо*. Следует заметить, что этот предлог используется только в положительном значении, нельзя сказать: *Благодаря плохой погоде случилась авария*;
- следует различать слова близкие по звучанию и написанию, но разные по значению: *одеть* – значит покрыть одеждой или снабдить одеждой кого-нибудь: *одеть ребёнка, девочка одевает куклу, надевать* – значит покрыть себя или часть своего тела какой-нибудь одеждой;
- *оплатить* – вносить плату, отдавая деньги за что-нибудь; употребляется с зависимыми словами в винит, падеже без предлога: *оплатить проезд, оплачивать командировку*; *заплатить* употребляется при указании на отдачу денег (или других ценностей) за покупку, а также в качестве штрафа или вознаграждения: *заплатить штраф, премию, заплатить за хлеб*;
- нужно говорить *подпись*, когда речь идет о собственноручном написании фамилии (от гл. *подписаться*), но не *ропись* (совершенно с другим значением).

Склонение фамилий

Следует помнить:

1. Не склоняются фамилии славянского происхождения на *-а, -о*. Часто в звуковом составе они совпадают с неодушевленными предметами. Например: *Крыса, Сало, Шило, Губа* и т.п.
2. Не склоняются фамилии на *-аго, -яго, -ых, -их, -ово, -ко(-енко)*. Например: *Шамбинаго, Дубяго, Седых, Долгих, Дурново, Франко, Шевченко*.
3. Как правило, склоняются нерусские фамилии на безударные *-а, -я*. Например: *творчество Пабло Неруды, песни Булата Окуджавы, фильмы Акиры Куросавы, Плакида (ср.: Плакида), Шкопа, Скиба (ср.: Скиба)*.
4. Склоняются русские и иноязычные фамилии на согласный звук, если относятся к мужчинам, например: *Бондорчук, Итес, Грицай, Корф, Шпак, Брунер, доктор Ватсон*.
5. Не склоняются, если относятся к женщинам или к супружеской паре. Например: *заявление Николая Ремчука; письмо Натальи Ремчук; просьба супругов Ремчук, миссис Хатсон*.

Правописание названий организаций и учреждений

1. С **прописной** буквы пишутся все слова, кроме служебных, в названиях **высших** правительственных, государственных организаций и учреждений страны, а также важнейших международных организаций (*Верховный Совет Российской Федерации, Организация Объединенных Наций*).

2. С **прописной** буквы пишется **первое слово** в названиях **центральных** учреждений, общественных организаций (*Министерство промышленности Российской Федерации; Федерация независимых профсоюзов России*).

3. С **прописной** буквы пишется **первое слово** и **собственные имена** в названиях научных, учебных заведений, учреждений культуры,

торговых и промышленных предприятий (*Академия наук России; Музыкальное училище им. Гнесиных; Политехнический музей; Первый московский часовой завод*).

4. Если перед индивидуальным названием стоит **определение**, тоже **индивидуальное**, то оба слова пишутся с **прописной** буквы (*Государственная Третьяковская галерея; Центральный Дом журналиста*).

Согласование сказуемого с подлежащим

При подлежащем с количественным числительным, оканчивающемся на **один**, сказуемое ставится в форму **единственного числа**: *В 2006 г. на предприятие был принят 31 специалист.*

При подлежащем с количественным числительным, оканчивающемся на **2, 3, 4 и больше**, сказуемое ставится в форму **единственного числа**, если акцент – на числе участников, например: *На конференции присутствовало 67 человек.*

При подлежащем с количественным числительным, оканчивающемся на **2, 3, 4 и больше**, сказуемое ставится в форму **множественного числа**, если акцент – на активном характере поведения лиц: *Сделали доклады 67 человек.*

Если речь идет о **неодушевленных предметах** и имеет место безличная окраска, внутренняя нерасчлененность множества, сказуемое ставится в форму **единственного числа**, например: *Заводу выделено 40 станков. Было продано 15 комплектов. Нам требуется 6000 тонн топлива.*

Подлежащее, выраженное существительным *большинство, меньшинство, множество, часть, ряд, много, немного, несколько, количество, число, словосочетанием не меньше чем, а также отрицательным и неопределенным местоимением*, согласуется со сказуемым в форме единственного числа, например: *Большинство высказалось против. Ряд поправок к закону был принят.*

Подлежащее, выраженное местоимением **кто**, согласуется со сказуемым в форме единственного числа (не по смыслу, а грамматически), например: *Те, кто участвует в проведении кампании, выступают по телевидению. Сюда приглашены те, кто сделал предварительные заявки.*

Местоимения **весь, каждый, любой, никакой**, стоящие перед однородными подлежащими, требуют единственного числа сказуемого, например: *Каждая справка, каждый протокол был взят на учет.*

Построение предложений с деепричастными оборотами

Дополнительное действие, обозначаемое деепричастием (деепричастным оборотом), относится, как правило, к подлежащему данного предложения, например: *Рано лишившись родителей, он вынужден был работать за кусок хлеба.*

Если же производитель действия, обозначенного глаголом-сказуемым (грамматическое подлежащее), и производитель действия, обозначенного деепричастием, не совпадают, **употребление деепричастного оборота ошибочно**, например: *Рассматривая редакционную почту, мое внимание привлекло письмо школьников.*

В ряде случаев возможно употребление деепричастного оборота, не выражающего действия подлежащего:

1) если **производитель действия, обозначенного деепричастием, совпадает с производителем действия, обозначенного другой глагольной формой (инфинитивом, причастием, деепричастием)**: *Автору было предложено внести в рукописи дополнения, учитывая изменения, происшедшие в жизни общества за последнее время. Ничем нельзя было удержать напора волн, нахлынувших на берег, сметая все на своем пути.*

2) в **безличном предложении при инфинитиве**: *Приходилось работать в трудных условиях, не имея в течение многих недель ни одного свободного дня для отдыха.* Если же в безличном предложении

нет инфинитива, к которому мог бы относиться деепричастный оборот, то употребление последнего неуместно, например: *Уезжая из города, мне стало грустно.*

Не отвечает норме употребление деепричастного оборота в страдательной конструкции, так как производитель действия, выраженного сказуемым, и производитель действия, выраженного деепричастием, не совпадают, например: *Получив признание широких читательских масс, книга была переиздана.*

Построение предложений с однородными членами

Не следует употреблять в качестве однородных членов:

1) *некоторые разнородные морфологические категории, например имя существительное и инфинитив: ср. при рубрикации: Необходимо принять на себя обязательства: а) повышать производительность труда; б) снижение себестоимости; в) улучшать качество продукции (во всех трех случаях следовало использовать одинаковую форму – или имя существительное, или инфинитив);*

2) *неоднородные синтаксические конструкции, например члены предложения (в том числе обособленные) и придаточные предложения: Они думают не о сохранении жизни, а как одолеть врага. Возможный вариант правки: Они думают не о сохранении жизни, а о том, как одолеть врага.*

Каждая из частей сопоставительного (двойного) союза должна ставиться перед соответствующим однородным членом; изменение этого порядка обычно приводит к нарушению грамматико-стилистической нормы, например: Необходимо не только обратить внимание на знания учащихся, но и на их практические навыки (следует: Необходимо обратить внимание не только на знания учащихся, но и на их практические навыки).

Иногда создаются неправильные пары союзов: не только... а также (следует: не только... но и), как... а также (следует: как... так и),

например: За последний срок в городе построены не только новые школы, больница, а также драматический театр.

*При наличии в предложении **обобщающего слова** однородные члены должны **согласовываться с ним в падеже**. Нарушение этого положения является грамматической ошибкой, например: Фактические данные приводятся в различных газетно-публицистических жанрах: статья, корреспонденция, очерк (однородные члены следовало поставить в предложном падеже).*

Порядок слов в предложении

Порядок слов в русском языке гибкий (и грамматический, и смысловой).

В пределах словосочетания действует грамматический порядок слов, который предопределен грамматической природой входящих в словосочетание слов.

*1. Зависимое слово при **согласовании** (виде связи, при котором зависимое слово принимает те же формы, в которых употреблено главное) **всегда стоит перед главным**: сильное впечатление, о начавшемся процессе, с первой попытки, наших успехов. Если к главному слову относится несколько согласующихся с ним определений, то порядок расположения зависит от их морфологической природы:*

*а) **определения, выраженные местоимениями, стоят впереди определений**, выраженных другими частями речи: в этот торжественный день, все замеченные недостатки, к моей любимой подруге;*

*б) **определятельные местоимения** (весь, всякий, каждый, иной, другой) **предшествуют всем другим местоимениям**: все эти поправки, каждое ваше замечание. Но местоимение самый ставится после указательного местоимения: эти самые возможности, тот же самый случай;*

в) определения, выраженные косвенными прилагательными, стоят впереди определений, выраженных относительными прилагательными: новый исторический роман, поздняя осенняя пора.

Основное требование к порядку слов в предложении выражается в том, что нельзя разрушать естественные лексико-грамматические связи внутри словосочетания. Так, в предложении Общественность широко готовится отметить 50-летие артиста. Порядок слов нарушен и требует правки: слово широко примыкает к глаголу отметить, а не к глаголу готовится. Следует: готовится широко отметить.

Подлежащее и сказуемое образуют предикативное словосочетание, построенное по типу согласования. Но это словосочетание особого типа: оно сообщает что-либо о предмете речи. Строго грамматически подлежащее в предложении предшествует сказуемому, прямой порядок слов (сначала называется предмет речи, потом нечто о нем сообщается): жизнь шла своим чередом. В авторских ремарках, разрывающих прямую речь или следующих за ней, необходим иной (обратный) порядок: Не спеши, – сказал отец, – успеешь. Обратный порядок слов предпочтителен также при семантической нерасчлененности подлежащего и сказуемого, выраженного глаголом бытия или протекания действия: идет дождь, пролетело лето, вспыхивает молния.

Следует иметь в виду, что грамматический порядок слов в русском языке не имеет жесткой закрепленности. Структура предложения допускает варианты расположения некоторых его компонентов (например, обстоятельств, кроме образа действия, меры и степени, деепричастных оборотов, вводных слов, обращений, частиц). Выбор конкретного варианта зависит от коммуникативного задания, т.е. от смысла предложения (смысловой порядок слов).

Сложные предложения

Типичные ошибки в сложных предложениях.

1. Случаи неправильного употребления союзов и союзных слов:

а) *выбор союза или союзного слова, которые не подходят для данного контекста, например:* Можно согласиться лишь с теми положениями доклада, где не содержалось никаких внутренних противоречий (*вместо наречия где при отвлеченном существительном положениями следовало употребить союзное слово в которых.*); создалась обстановка, когда мало что благоприятствовало стабилизации (*слово когда с присущим ему значением времени не подходит для контекста, можно было сказать:* Создалась обстановка, которая не благоприятствовала стабилизации);

б) *загромождение сложного предложения с последовательным подчинением придаточных предложений одинаковыми союзами или союзными словами:* Врачи считают, **что** болезнь настолько опасна, **что** приходится опасаться за жизнь больного. (*Следует:* Врачи считают болезнь настолько опасной, что приходится опасаться за жизнь больного);

в) *постановка рядом однозначных союзов (плеонастическое употребление союзов):* Условия для радикальных экономических реформ были созданы, **однако тем не менее** перелома до сих пор не наступило;

г) *лишний союз после вводного слова, которое ошибочно принимается за часть главного предложения:* Докладчик привел новые данные, которые, кажется, **что** где-то частично уже были опубликованы;

д) *повторение частицы бы в придаточных предложениях, в которых сказуемое выражено глаголом в форме условного наклонения:* Если **бы** предложение западных держав были **бы** приняты, положение могло бы измениться.

2. *Разнотипность частей сложного предложения проявляется в различной форме:*

а) *в качестве однородных конструкций употребляются придаточное предложение и член простого предложения:* В институт пришли практики, неплохо зарекомендовавшие себя, и характер работы которых соответствует избранной специальности;

б) при общей подчиняющей части в качестве однородных синтаксических элементов выступают двусоставное предложение и односоставное безличное: В работе поставлены две задачи: 1) в новом ракурсе рассматривается проблема употребления жаргонных слов в книжных стилях речи; 2) необходимо систематизировать собиравшийся в течение трех лет материал;

3. Неправильный порядок слов в сложном предложении с придаточным определительным порождает двусмысленность или искажает смысл высказывания: Студенты проходили практику в одном из цехов завода, который недавно был реконструирован (один из цехов или завод в целом подвергся реконструкции?).

РАЗДЕЛ 4

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТА

Лекция 9

Основные законы коммуникации. Речевые стратегии и тактики в речи тележурналиста

Речевое взаимодействие. Речевые маркеры коммуникативных стратегий. Кооперативные и некооперативные стратегии. Речевые стратегии положительной самопрезентации, дискредитации, получения информации, отказа в выполнении просьбы и др.

Анализ речевых тактик (ходов): доведение до абсурда (утрирование), перевоплощение, обобщение, уступка, контраст, провокация, апелляция к авторитету, «да-да-да», «черный оппонент», «подмазывание аргумента», «вербальные крышки», техники холостого хода и др.

Психология речевой коммуникации: основные типы коммуникабельности людей, эго-состояния и речевое общение.

Коммуникативные стратегии (дискредитация, подчинение, уговаривание, самопрезентация и др.) и тактики (комплимент, издевка, оскорбление, просьба, убеждение и др.) в современном теледискурсе. Стратегии речевого поведения говорящих (агрессия, толерантность, вежливость и др.).

Знание национальных стереотипов речевого поведения и особенностей русской языковой картины мира как составляющие языковой компетенции тележурналиста.

Помимо информационной, важнейшая функция языка – коммуникативная: общение, установление и поддержание контакта между членами общества. Общение людей не сводится только к оказанию влияния друг на друга для достижения практических целей.

Общие принципы коммуникации

Среди общих принципов, обеспечивающих успех коммуникации, важнейшими являются два, сформулированные американскими лингвистами второй половины XX века в рамках *Теории речевых актов* (иначе называемой «Слово как действие» – «How to do things with words» – по работе одного из основоположников теории Дж. Остина). Это принцип кооперации и принцип вежливости.

Принцип кооперации указывает на необходимость собеседников относиться к общению как к сотрудничеству, вносить в него добросовестный вклад. Он заставляет нас задуматься не только над тем, **что** нам говорят, но и над тем, **как** и, главное, **зачем** нам это говорят, т. е. помогает разглядеть **коммуникативную цель** собеседника.

Американский лингвист **Г. Грайс**, постулировавший этот принцип, утверждал: «...От всякого, кто стремится к достижению конечных целей речевого общения/коммуникации (это может быть передача и получение информации, оказание влияния на других и подчинение себя чьему-то влиянию и т. п.), ожидается, что он заинтересован в этом общении; речевое общение, в свою очередь, может быть выгодно и полезно только при условии, что соблюдается принцип кооперации...»

Принцип кооперации состоит из нескольких максим, т. е. правил:

1. **Правило количества:** давайте нужное количество информации. Ваш информационный вклад в разговор должен быть не большим и не меньшим, чем требуется.

2. **Правило качества:** старайтесь сделать ваш вклад в разговор правдивым. Не говорите того, что вы считаете лживым. Не говорите того, чему у вас недостаточно свидетельств.

3. **Правило релевантности:** говорите то, что имеет отношение теме разговора, будьте последовательны.

4. **Правило способа выражения:** избегайте двусмысленности неопределенности, говорите коротко и упорядоченно.

Принцип вежливости включает такие максимы.

1. **Правило такта:** уважайте границы личной сферы собеседника. Например, из возможных способов выражения побуждения выберите

тот, в котором подчеркивается выгода для собеседника: сформулируйте побуждение не как команду, а как совет.

2. Правило **великодушия**: из возможных способов выражения выбирайте тот, в котором минимизируется ваша личная выгода. Не обременяйте собеседника, не вынуждайте его связывать себя обещаниями, клятвами, не требуйте извинений и покаяний.

3. Правило **одобрения**: больше хвалите собеседника, будьте **позитивны** в своей оценке собеседника, других людей, мира. Однако будьте и сдержанны в оценочных суждениях: если ваша оценка (положительная и отрицательная) того или иного предмета не совпадает с оценкой собеседника, это создает трудности в коммуникации.

4. Правило **скромности**: меньше хвалите себя, тактично отказывайтесь от похвал в свой адрес. Ваши высказывания должны содержать объективную – не завышенную, но и ни в коем случае не заниженную (см. ниже о принижающе-уступчивом общении) – самооценку.

5. Правило **согласия**: выражайте согласие с собеседником, минимизируйте несогласие. Не вставайте в оппозицию к собеседнику без веских оснований. Умейте отказаться от конфликта **в пользу решения более серьезной задачи – сохранения коммуникации**.

6. Правило **симпатии**: выражайте симпатию к собеседнику, минимизируйте антипатию. Будьте благожелательны. Не будьте не-благожелательны, не будьте безучастны.

Правило такта иногда называют правилом обратной вежливости: вежливость, вложенная в побудительное высказывание, обратно пропорциональна выгоды для адресата того действия, к которому его побуждают. Так, пожелания *Отдыхай хорошо!* и формулы угощения *Съешь еще конфетку* требуют гораздо меньше вежливости, чем запрещения *Не ставь сюда свою сумку* и просьбы типа *Почисти картошку*.

Преподаватель в школе и университете скажет *Откройте тетради, запишите тему занятия...*, и никто не обвинит его в недостаточной вежливости, в том, что он забыл слово *пожалуйста*. Ведь эти действия – к выгоде студентов. Но если преподаватель хочет попросить что-то, выходящее за рамки учебной деятельности, за пределы обычных

обязанностей студента, то он вложит в свое побуждение больше вежливости: *Принесите, пожалуйста, мел или Вы не могли бы сходить на кафедру и предупредить лаборантку, чтобы, если для меня принесут курсовые работы, она сложила их на столе?*

Основные тактики общения

Помимо указанных принципов, полезно знать основные **тактики общения**: понимающее общение; принижающе-уступчивое общение; директивное общение; защитно-агрессивное общение.

В целом основными условиями эффективности любого практического общения являются умения и навыки человека в использовании так называемых понимающих и директивных приемов реагирования при взаимодействии с другими людьми.

Основными **причинами неэффективности** любого общения являются склонности и привычки человека прибегать во взаимодействии с собеседником к принижающе-уступчивой и защитно-агрессивной формам поведения как **неадекватным заместителям** понимающего и директивного общения.

Понимающее общение – это целенаправленное взаимодействие, ориентированное на понимание собеседника и проявление уважения к его личности в форме неценочных реакций на его высказывания и эмоциональные состояния.

Принижающе-уступчивое общение – это целенаправленное взаимодействие, ориентированное на понимание собеседника, но содержащее реакции неуместного принижения своих чувств, стремлений и целей, а также неоправданные уступки собеседнику.

Директивное общение – это целенаправленное взаимодействие, ориентированное на оказание прямого психологического воздействия на человека для достижения своих целей и состоящее из реакции, выражающих собственные оценки, стремления и цели.

Эти цели как в личной жизни, так и в профессиональной деятельности могут в широком смысле состоять в достижении взаимовыгодных соглашений с партнером, в психологическом воздействии на

него, в отстаивании своих интересов в условиях разногласий и конфликтов или в собственной защите от агрессивных нападков и угроз со стороны собеседника.

Защитно-агрессивное общение – это целенаправленное взаимодействие, ориентированное на оказание прямого психологического воздействия на собеседника для достижения своих целей, но осуществляемое в такой форме, которая может унижить его чувство собственного достоинства.

Понимающий стиль общения включает следующие установки:

1. Установка на понимающее реагирование, т. е. ориентация на систему отчета собеседника, а не на свою собственную; осознанное стремление реагировать на мысли и чувства партнера по общению с целью увидеть мир его глазами; способность понимать и предсказывать реакции собеседника, ставя себя на его место. Понимающее реагирование не означает согласия со всем, что скажет партнер, оно является проявлением нашей непредвзятости, помогает собеседнику раскрыться, ощутить доверие к нам и желание взаимодействовать. Такое реагирование намного эффективнее оценивающего реагирования, но встречается гораздо реже его.

2. Установка на приятие личности собеседника, на проявление уважения к нему, вне зависимости от его достоинств и недостатков; признание его права быть таким, каков он есть; умение создать для него «климат безопасности».

3. Установка на согласованность своего поведения с поведением собеседника, т. е. искренность в общении; допуск собеседника к «обмену доверием», разрешение в некоторой степени заглянуть «внутри себя». Конечно, выполнение этой установки в общении со всеми людьми во всех жизненных ситуациях невозможно, а порой и нежелательно. Но она жизненно важна в тех случаях, когда партнеры действительно хотят понять друг друга и стремятся к развитию взаимоотношений.

Понимающее реагирование включает:

- простые фразы, подтверждающие контакт с собеседником (*верно, да-да, так* и т. п.); перефразирование мыслей и чувств собеседника,

выраженных открыто (чтобы сообщить ему, что мы понимаем, о чем он говорит, или чтобы проверить нашу интерпретацию сказанного им); выяснение скрытых или даже неосознанных мыслей и чувств собеседника (предполагающее внимательное отношение к интонациям, паузам в разговоре, мимике и жестам говорящего); подбадривание собеседника, заверения в своем сочувствии;

- понимающее молчание и ободряющие невербальные реакции (поглаживание по плечу, сочувственный кивок, изумленно раскрытые глаза и т. п.);

- вопросы с точки зрения собеседника, проясняющие его точку зрения (*Значит, вы считаете, что... Я правильно понимаю?*) или «зондирующие» его чувства (*Вас это сильно тревожит, да?*). Для говорящего, принявшего понимающий стиль общения, очень важно не стать простым зеркалом партнера.

Нужно выбрать правильный баланс между сочувственным реагированием и «подталкиванием» разговора, чтобы не произошло того, что психологи называют «зацикливанием» на одной и той же теме. Сказанное партнером надо не просто повторять, но углублять, прояснять, развивать. Необходимо правильно определить глубину, или силу, реагирования и его время: наши реакции не должны запаздывать, но и не должны нарушать поток размышлений партнера. Еще одно правило понимающего общения – следует избегать стереотипных реакций, использования одних и тех же сигналов понимания и сочувствия снова и снова. Постоянное повторение стандартных вводных фраз типа *Значит, вы полагаете, что...* или подтверждений контакта *Я вас слушаю внимательно* лишает вас доверия собеседника: он начинает подозревать, что вы играете с ним в какую-то игру либо разговариваете механически, не вникая в суть дела.

В большинстве ситуаций, когда нам надо достигнуть взаимопонимания с другим человеком, понимающее общение при правильном (подкрепленном тренировкой) использовании является самым эффективным. Но, безусловно, это не универсальная тактика.

Есть случаи, когда мы должны прибегать к директивному общению.

Директивный стиль общения основывается на следующих установках:

1. Установка на открытое поведение, активные действия по достижению своих целей. Когда вы ведете себя директивно, вы прямо и ясно выражаете свои намерения, аргументы и оценки, позволяете собеседнику узнать, к чему вы стремитесь, четко формулируете свои позиции, защищаете свои права, свои убеждения. Это позволяет вашему собеседнику четко представить себе вашу позицию и освобождает его от необходимости домысливать ваши слова; лишает ситуацию неопределенности.

2. Установка на прямой и открытый отказ выполнить действия, которые с вашей точки зрения не служат вашим значимым интересам и целям или которые кажутся вам неприемлемыми этически либо по другим причинам. Но директивность не подразумевает эгоистичности, игнорирования интересов других людей. Директивность подразумевает, что вы не игнорируете **своих** интересов в угоду другим, умеете сказать «нет», если это требуется.

3. Установка на эффективную и решительную защиту себя от агрессивного поведения партнера по общению и личных нападков (угроз, критики, оскорблений); способность отстаивать себя без того чтобы самому становиться враждебным или защитно-агрессивным по отношению к оппоненту.

4. Установка на достижение своих целей во взаимодействии с партнером, с учетом его интересов и потребностей. Эта установка предполагает контроль за своим эмоциональным состоянием, стремление связать свои цели с целями собеседника, отказ от оценочных высказываний в пользу «объективных», не оценочных.

Следует помнить, что любой вопрос можно сформулировать в оценочной и не оценочной форме, а любую критику можно отнести к данной конкретной ситуации или распространить (оправданно или неоправданно) на человека в целом. Не оценочная форма вопроса и критика, направленная на конкретную ситуацию, более эффективны, не вызывают лишней агрессии или защитной реакции со стороны адресата.

Директивная тактика может сочетаться с понимающей даже в пределах одной реплики: *Понимаете, я бы предпочел действовать по-другому при решении этой проблемы. Однако мне хотелось бы полнее услышать о вашем подходе, который по ряду позиций отличается от моего.* Высказывая таким образом несогласие с собеседником, вы выражаете эффективную директивную реакцию (прямое неоценочное заявление своей позиции) и одновременно понимающую (проявление интереса к точке зрения партнера).

Навыки целесообразного построения текста и мастерство устного выступления

Особенности публичных выступлений в современном теледискурсе. Виды речей (ритуальная, провокационная, императивная, убеждающая).

Техника подготовки публичной речи. Докоммуникативный, коммуникативный, посткоммуникативный этапы выступления.

Принципы построения и способы оформления вступления, главной части и заключения публичного выступления в современном теледискурсе.

Приемы привлечения и поддержания внимания аудитории и риторические средства выражения в современном теледискурсе.

Искусство ведения спора в современном теледискурсе. Логические ошибки как следствие невнимания к смысловой стороне речи (нарушение причинно-следственных связей, сопоставление несопоставимых понятий, смещение плана изложения, пропуск логических связей и др.).

РАЗДЕЛ 5

ОБЩЕКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТА. ТЕЛЕВИЗИОННАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА

Лекция 10

Речевая этика и речевой этикет как основа профессиональной культуры современного тележурналиста

Речевой этикет включает, с одной стороны, языковые единицы, с другой – правила общения. Основные единицы, используемые в этикетной функции, это:

- формулы приветствия, прощания, пожелания, извинения, благодарности, соболезнования и под;
- обращения: нарицательные слова типа *товарищ, господин, леди и джентльмены*, полные и краткие формы имен, использование отчеств и фамилий, местоимения *ты/Вы*;
- стандартные высказывания для стереотипных коммуникативных ситуаций, например, в диалоге покупателя с продавцом: *В ваш пакет? Без сдачи, пожалуйста* и т. п.

Правила русского речевого этикета регулируют использование указанных единиц и постулируют основные принципы вежливого, корректного общения на разном уровне официальности/неофициальности: **громкость речи, приличествующая той или иной ситуации, запрещение использования обценных слов (ругательств)** и т. п.

Например, **выбор обращения** по имени или имени-отчеству зависит от степени официальности речевой ситуации, статуса собеседников (прежде всего, возраста и социального положения) и степени их знакомства.

За последнее время русский речевой этикет изменился под влиянием новых форм коммуникации и новых типов отношений между людьми.

Так, возникновение ночного телевидения привело к появлению ранее не существовавшей формулы приветствия: *Доброй ночи!*, распространившейся из речи ведущих ночных программ в речь телезрителей. Эта формула родилась из «пересечения» традиционного прощания-пожелания *Спокойной ночи!* и приветствий: *Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер!* (обратите внимание, что в них используется именительный падеж, а не родительный, указывающий, что мы имеем дело с пожеланием: *(Я желаю вам) спокойной/доброй ночи!*). Трудно сказать, какая судьба ждет это приветствие. Его появление противоречит сложившимся этикетным правилам различных языков, а само оно является своего рода казусом, сомнительной языковой новацией.

Развитие Интернет-коммуникации в онлайн-режиме вызвало к жизни формулу: *Доброе время суток!*

В последние годы также произошла замена обращения *товарищ* обращением *господин/госпожа*, постепенное вытеснение из многих сфер коммуникации отчеств.

Новый речевой этикет во многих деловых коллективах подразумевает обращение только по имени, в том числе и к начальнику, и к деловому партнеру, т. е. и в тех ситуациях, где ранее нейтральным было обращение по имени-отчеству.

Весьма интересный процесс идет в сфере личных имен. Русские личные имена можно разделить на два класса. Для одних при самостоятельном употреблении (без отчества и фамилии) наиболее частотным вариантом служит полное имя (*Андрей, Антон, Максим, Никита, Лариса, Марина, Нина*). Ко второму классу относятся личные имена, полные варианты которых самостоятельно употребляются крайне редко: *Александр, Владимир, Евгений, Анна, Екатерина, Мария, Елена*.

Использование полного имени может восприниматься как претенциозное, чопорное, иногда жеманное. Нейтральное употребление этих имен возможно только в сочетании с отчеством.

Есть имена которые занимают промежуточное положение, например *Алексей / Алеша*.

Однако сейчас из-за уменьшения количества ситуаций, в которых люди обращаются к друг к другу по имени-отчеству, описанная система изменилась. Там где раньше официальность ситуаций или статус собеседников требовали обращения по имени-отчеству, теперь используются полные формы личных имен, ранее не употреблявшиеся: *Мария! Владимир!*

Интересное смешение двух систем имеет место в ряде телевизионных программ. Когда приглашенный в студию гость имеет высокий социальный статус, ведущий обращается к нему по имени-отчеству. Однако для представления и названия его в речи, обращенной к зрителям, используется имя без отчества, правда вместе с фамилией.

Вопрос о политкорректности как компоненте телевизионной речевой культуры

Политкорректность – установление порядка в обществе, когда существует прямой или косвенный запрет, неофициальное табу на употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определённых групп людей, выделяемых по признаку расы, пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации, социальной принадлежности и т. д.

Такая практика требует исключить или заменить нейтральными или положительными эвфемизмами выражения, оскорбительные для вышеперечисленных групп людей.

Начало феномену было положено, когда африканцы, возмущенные «расизмом английского языка», потребовали его «дерасиализации». Наибольшего развития явление политкорректности получило в США.

Вот как пишет об этом Татьяна Толстая в эссе «Политическая корректность»: «Президент принял делегацию чучмеков» – невозможный заголовок в газете. «Выдающееся бабье в русской

культуре» – немыслимое название для книги. Это всем понятно: в первом случае задеваются лица некоторых национальностей (расистское высказывание), во втором – лица женского пола (высказывание сексистское). Понятно, что напечатать или публично произнести подобное было бы оскорбительным хамством, хотя непонятно почему: ни в слове «чучмек», ни в слове «баба» вроде бы не слышится ничего специфически оскорбительного, но так уж исторически сложилось. Обидно.

Слово «чурка» еще обиднее, чем «чучмек»: предполагает тупость, дубовые мозги (я вот умный, а они все тупые). «Косоглазый» – оскорбление: предполагает отклонение от некоторой нормы. То же «черномазый» – имплицитное утверждение, что белое лучше черного; а почему это, собственно?

Однако если вы скажете: «эбеновая кожа» или «миндалевидные глаза», то отмеченные наружные признаки прозвучат как комплимент, ибо в рамках нашей культуры эбеновое и миндальное дерева имеют положительные коннотации (в отличие от дуба).

Недоказуемые утверждения, что белая раса выше черной или желтой, что женщины хуже мужчин, звучали слишком часто в истории человечества, а, как всем известно, от слов люди всегда переходили к делу и угнетали тех, кого считали хуже и ниже. Прозрев и раскаявшись в этом варварском поведении, цивилизованная часть человечества восприняла идеи равенства и братства и как может воплощает их в жизнь. И старается исправить не только дела, но и слова, ибо слово это и есть дело. И слово проще исправить. Выразаться и мыслить надо политически корректно.

Требования политкорректности пока с трудом приживаются в России. Та же Татьяна Толстая иронизирует:

«В русском обществе, конечно, тоже существует представление о политической корректности, хотя и слабое. В шестидесятые годы продавали «Печень для тучных», кто помнит. Покупавший чувствовал себя сильно уязвленным, хотя, думаю, это был не недосмотр, а неловкая попытка избежать слова «толстый»,

воспринимавшегося именно как обидное. Сейчас подобные продукты уклончиво именуются «диетическими», так как слово «диета» стало в основном связываться с положительным процессом потери веса (несмотря на то, что диеты бывают всякие: бессолевые, для диабетиков и даже для прибавки веса). Кстати, выражение «лица, страдающие ожирением» тоже политически некорректное: я не страдаю, я поперек себя шире и тем горжусь. Не смейте меня виктимизировать! (Victim – «жертва».) Если бы в XIV веке, когда появилась фамилия Толстой, существовало понятие политической корректности, то этот номер у россиян не прошел бы и семья, чей основоположник изволил быть презрительного весу, получила бы иное прозвание:

Лев Полновесный
"Анна Каренина"
роман в 8 частях

В советской печати уже возражали против употребления слова «больной» в применении к пациентам, или, лучше сказать, к посетителям медицинских учреждений: слово это оскорбляет здоровых, закрепляет за истинно больными ярлык неизлечимости, неприятно напоминает о страданиях. Слово «прислуга» несет оттенок сервильности («служить бы рад, прислуживаться тошно») и давно заменено «домашней работницей». Продавец у нас становится работником прилавка или товароведом. Все эти труженики полей, машинисты доильных аппаратов, операторы подъемников (вместо крестьян, дояров и лифтеров) – попытка повысить статус малопрестижных профессий. Царя ведь никто не назовет «работником престола». А следовало бы, по справедливости».

«И наконец, совсем возмутительные стихи, наводнившие всю Россию:

*Под насытью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,*

*В цветном платке, на косы брошенном.
Красивая и молодая.*

Здесь и смотризм, и разнузданный возрастизм, и любование поверженностью лица женского пола, и выдавание тайно желаемого за действительное: он представляет ее мертвой, так как мужчины ненавидят женщин и желают им смерти, что опять-таки символически выражается в сексуальном акте, который всегда есть насилие, порабощение и в конечном счете уничтожение. Не пропустите ключевые слова: автор символически помещает ее в ров, то есть в яму, могилу, а сверху еще примысливает насыпь, т. е. слой земли. Убил, в землю закопал, и надпись написал: вот что он сделал. Упоминаются косы, т. е. устаревший стереотип женской привлекательности. (М. б., намек: «волос долог – а ум короткий»?!) «Платок» – то же самое. «Цветной» – не расовый ли намек? Предлагаю следующую, политически правильную редакцию строфы:

*На насыти, в траве подстриженной,
Живой и радостный на вид,
Стоит свободный, не униженный,
Достойный, зрелый индивид».*

Максим Кронгауз, говоря о примерах опытов воздействия на язык, отмечает, что течение политической корректности использует лингвистику для поиска тех черт обыденного языка и речевого поведения, которые сложились под влиянием традиционной культуры и навязывают современным носителям языка различные представления, связанные с неравенством и несправедливостью. Дальнейшей задачей считается устранение этих черт. Иначе говоря, речь идет о контроле над языком, его улучшении (или порче – в зависимости от точки зрения), то есть фактически создании нового языка. Таким образом можно говорить о лингвистическом анализе и о “нелингвистических” приложениях этого анализа, хотя наиболее

успешные приемы изменения языка основаны на понимании его законов. Политически корректная правка языка затрагивает в первую очередь лексику. Из языка исключаются «обидные» слова, которые заменяются нейтральными, например, *негр* на *афро-американец*. Однако существует претензия и на системные изменения в языке, которая по существу уже реализуется в английском, немецком и некоторых других языках. И здесь ярче всего проявляет себя одно из направлений политической корректности – феминизм. Сейчас существует даже отдельное направление в лингвистике, называемое гендерной, или феминистской, лингвистикой. Одна из главных ее задач – поиск «языковых несправедливостей» по отношению к женщине и устранение их из языка. Так, в европейских языках уже практически исчезли специальные обращения к незамужней женщине (*miss*, *mademoiselle*, *Fräulein* и т. д.). Их либо вообще не употребляют, либо употребляют по отношению к значительно более узкому кругу адресатов, например, только к девочкам. Надо сказать, что обращения вообще наиболее подвержены внеязыковым воздействиям. Законы их изменения чаще обусловлены внешними социальными событиями, чем естественным внутренним развитием языка, – конечно, если мы говорим об официальных и просто публичных обращениях. Например, говоря о группе людей разного пола, мы используем слово мужского рода: *студенты*, *актеры* и т. д. Для называния людей по профессиональному признаку часто существует только одно слово, и оно обычно мужского рода: *министр*, *космонавт*, *президент* (однако ср. *няня*, *секретарша*, *прачка* и др. для типично женских профессий). В некоторых случаях существующее слово женского рода имеет пренебрежительный оттенок (иногда более, иногда менее ощутимый): *гроссмейстерша*, *врачиха* и т. д. Когда мы говорим о человеке вообще, мы также используем слова мужского рода и, в частности, местоимение *он*. В некоторых языках слово со значением «человек» означает также и «мужчина», а для женщины существует специальное название, например, в английском – *man* и *woman*, или в немецком – *Mann* и *Frau*. Более того, в этих языках соответствующий корень включается в состав

многих названий профессий: *policeman*, *Kaufman* и др. Графические средства популярны в английском языке. Так, в качестве нейтрального местоимения третьего лица единственного числа пишут *s/he*, то есть и *he* (он), и *she* (она) одновременно. Конечно, прочесть это невозможно, но свою функцию в письменном языке такое местоимение выполняет.

У многих носителей языка существует неприятие таких изменений. Достаточно популярны опыты пародирования политически корректных изменений как в языке, так и в поведении. Наиболее знамениты «Политически корректные истории на ночь» Дж. Ф. Гарнера, появившиеся в 1994 году. В этой книге по-новому, политически корректно рассказываются известные (и, естественно, некорректные) сказки: «Красная шапочка» и др. Например:

Золушка. *Жила-была молодая женщина по имени Золушка, чья природная мать умерла, когда Золушка была еще ребенком. Несколько лет спустя ее отец женился на вдове с двумя более взрослыми дочерьми. Мачеха Золушки обращалась с ней очень жестоко, а сводные сестры заставляли ее трудиться до седьмого пота, как будто она была их личным неоплачиваемым работником. Однажды в дом прислали приглашение. Принц решил в честь эксплуатации неимущего и маргинального крестьянства устроить бал-карнавал. Сводных сестер Золушки очень взволновало это приглашение во дворец. Они стали обдумывать дорогие наряды, для того чтобы изменить свой природный образ в подражание реально не существующему стандарту женской красоты. (Это было особенно нереально в их случае, так как они были столь нестандартной внешности, что от их вида могли остановиться часы.) Ее мачеха тоже собиралась поехать на бал, так что Золушке пришлось вертеться как белке в колесе (подходящая метафора, но, к сожалению, некорректная по отношению к виду животных).*

Тем не менее многие из политически корректных изменений уже необратимы и являются ярким примером правки языка.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Понятие языковой компетенции современного тележурналиста. Компоненты языковой компетенции: нормативный, коммуникативный, этический.
2. Речевые особенности современного теледискурса.
3. Языковая личность тележурналиста: определяющие черты развития, коммуникативные потребности, соотношение общезыкового, группового, индивидуального в речи языковой личности, уровень развития языковой личности.
4. Понятие языкового вкуса применительно к современной тележурналистике. Типы речевой культуры (по О.Б. Сиротининой).
5. Коммуникативный аспект языковой компетенции тележурналиста. Психология речевой коммуникации: основные типы коммуникабельности людей, эго-состояния и речевое общение.
6. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи.
7. Знание национальных стереотипов речевого поведения как составляющая языковой компетенции тележурналиста.
8. Знание особенностей русской языковой картины мира как составляющая языковой компетенции тележурналиста.
9. Прецедентные тексты как показатель сформированности языковой и коммуникативной компетенции тележурналиста.
10. Коммуникативные качества хорошей речи тележурналиста.
11. Особенности публичных выступлений в современном теледискурсе. Виды речей (ритуальная, провокационная, императивная, убеждающая).
12. Техника подготовки публичной речи. Докоммуникативный, коммуникативный, посткоммуникативный этапы выступления.
13. Принципы построения и способы оформления вступления, главной части и заключения публичного выступления в современном теледискурсе.
14. Приемы привлечения и поддержания внимания аудитории в современном теледискурсе.

15. Риторические средства выражения в современном теледискурсе.

16. Искусство ведения спора в современном теледискурсе.

17. Структура деловой беседы, переговоров, интервью в современном теледискурсе. Речевой этикет в телефонных переговорах.

18. Переписка как вид делового общения. Правила использования сокращений в текстах документов. Правописание названий организаций и учреждений. Административный речевой этикет.

19. Речевая этика как основа культуры современного тележурналиста. Политкорректность как норма цивилизованного речевого общения и современный теледискурс. Понятие об эвфемизмах.

20. Разновидности русского языка (просторечие, диалекты, жаргон). Знание норм литературного языка как основа языковой компетенции современного тележурналиста.

21. Устная и письменная разновидности литературного языка. Особенности использования разговорной речи в современном теледискурсе.

22. Приемы речевого воздействия в современном теледискурсе.

23. Средства речевой агрессии в процессе манипуляции: создание образа врага, формирование бинарных оппозиций, дидактичность речи, инвектива, смена коннотаций, ритуализация речевых актов, аббревиация, десемантизация либо ресемантизация, использование «лексических фантомов» и др.

24. Вопрос о языковых нормах и причинах их изменения как предмет для дискуссии в современной тележурналистике.

25. Вопрос об орфографической реформе русского языка в современной тележурналистике.

26. Стили произношения применительно к современному теледискурсу. Знание особенностей профессионального произношения и активных процессах в области орфоэпии как составляющая языковой компетенции современного тележурналиста.

27. Знание норм лексической сочетаемости как составляющая языковой компетенции современного тележурналиста. Плеоназм, тавтология и способы их устранения в речи.

28. Речевая избыточность, речевая недостаточность, смысловая неуместность и способы их устранения в современном теледискурсе.

29. Дискуссия об отношении к заимствованиям в современном теледискурсе. Понятие пуризма.

30. «Языковые сорняки» в современном теледискурсе: причины появления и способы устранения.

31. Правила употребления фразеологизмов и других устойчивых сочетаний. Фразеологическая контаминация.

32. Явление паронимии в русском языке. Неразличение (контаминация) паронимов как речевая ошибка и способы ее устранения.

33. Нормы словообразования, нормы управления и отступления от них в современном теледискурсе.

34. Колебания в роде имен существительных в современном теледискурсе. Род несклоняемых существительных. Род аббревиатур. Женские соответствия мужским наименованиям лиц.

35. Склонение собственных имен существительных: фамилий и географических названий.

36. Особенности склонения количественных и порядковых имен числительных.

37. Правила употребления личных местоимений в теледискурсе.

38. Правила употребления форм степеней сравнения имен прилагательных и типичные речевые ошибки при их образовании.

39. Правила образования деепричастий. Параллельные формы деепричастий. Правила употребления деепричастных оборотов.

40. Правила согласования сказуемого с подлежащим.

41. Правила построения предложений с однородными членами. Порядок слов в современном теледискурсе.

42. Правила построения сложных предложений. Типичные ошибки в построении сложных предложений в современном теледискурсе.

43. Логические ошибки как следствие невнимания к смысловой стороне речи в современном теледискурсе (нарушение причинно-следственных связей, сопоставление несопоставимых понятий, смещение плана изложения, пропуск логических связей и др.).

44. Основные типы лингвистических словарей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

К разделу 1. Специфика современной языковой ситуации и особенности современного теледискурса

1. Анненкова И.В. Язык современных СМИ в контексте русской культуры // Русская речь. 2006.
2. Каминская Т.Л. Адресат в массовой коммуникации. Великий Новгород, 2008.
3. Караулов Ю.Н. Язык СМИ как модель общенационального языка // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2001.
4. Медиатекст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. СПб., 2002.
5. Муратов С. Телевидение в поисках телевидения. Хроника авторских наблюдений. М., 2009.
6. Романенко А.П. Советская и постсоветская массовая словесная культура: общее и различное // Советское прошлое и культура настоящего. Екатеринбург, 2009. Т. 2.
7. Трофимова О.В., Кузнецова Н.В. Публицистический текст: лингвистический анализ: учеб. пособие. М., 2010.
8. Щерба Л.В. Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку) // Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
9. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М., 2009.
10. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М., 2007.
11. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М., 1999.
12. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. М., 2001.
13. Дейк ван Т.А. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.

14. Паршин П. Речевое воздействие / Электронная энциклопедия
Кругосвет:

http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.

15. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С.44–87. Доступна электронная версия, например, на <http://socioline.ru/book/yazyk-i-modelirovanie-sotsialnogo-vzaimodejstviya>.

16. Кара-Мурза С.Г. Краткий курс манипуляции сознанием. М., 2002.

17. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990.

18. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.

19. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

**К разделу 2. Понятие и составляющие языковой компетенции
современного тележурналиста. Языковая личность
тележурналиста**

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007.

**К разделу 3. Лингвистическая (нормативная) составляющая
языковой компетенции тележурналиста**

1. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.

2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003.

3. Земская Е.А. Активные процессы в современном русском языке / www.gramota.ru/ Журнал

4. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003.

5. Воронцова В.Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца 20 столетия. М., 2000.

6. Русское литературное произношение и ударение: словарь-справочник // под ред. Р.И. Аванесова, С.И. Ожегова. М., 1956.
7. Вербицкая Л.А. Варианты русского литературного произношения / www.gramota.ru/Класс
8. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999.
9. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
10. Мурамов А.А. Личность и речь: эпоха кризисов. Воронеж, 2005.
11. Семенов Е.В., Юрков Е.Е. Русская речь в современной России: тенденции развития (по результатам социологического исследования). СПб., 2004.
12. Чуковский К.И. Живой как жизнь. О русском языке. М., 1966.

Основные лингвистические словари русского языка

1. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 кн. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. Р.П. Рогожниковой. М., 1991.

Толковые словари

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2001.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. (любое издание).
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка (толково-словообразовательный). М., 2001.
4. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. М.; Л., 1950-1956.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. АН СССР. М., 1981–1984.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М., 1989 и др. изд.

7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999 и др. изд.

8. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание / под ред. Л.Г. Бабенко. М., 1999.

9. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.

10. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складневской. СПб., 1998.

Словари иностранных слов

1. Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М., 2001.

2. Большой словарь иностранных слов в русском языке / ред. С.М. Локшина, В.Ф. Корицкий. М., 2001.

3. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. М., 2002.

4. Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск-М., 2001.

5. Словарь иностранных слов / гл. ред. Ф.Н. Петров. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1964.

6. Словарь иностранных слов: Актуальная лексика. Толкования. Этимология / Н.С. Арапова [и др.]. 2-е изд., доп. М.: Цитадель, 1999.

Словари синонимов

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1996.

2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1998.

3. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1970-1971.

Словари антонимов

1. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. Изд-во Ростовского ун-та, 1982.

2. Колесников Н.П. Словарь антонимов русского языка. 1971.

3. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1978.

Словари омонимов

1. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. М., 1974.

2. Колесников Н.П. Словарь омонимов русского языка. М., 1995.

3. Окунева А.Р. Словарь омонимов современного русского языка. М., 2002.

Словари паронимов

1. Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С. Словарь паронимов современного русского языка. М., 1994; 2002.

2. Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. М., 1984.

3. Колесников Н.П. Словарь паронимов русского языка. Ростов н/Д., 1995.

Фразеологические словари

1. Ашукин Н.С., Ашукина И.Г. Крылатые слова. М., 1999 и др. изд.

2. Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка. М., 1987.

3. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М., 2001.

4. Словарь образных выражений русского языка / под ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1995.

5. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 1987.

6. Фразеологический словарь русского языка / сост. А.И. Федоров. М., 2001.

Словари неологизмов

1. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под ред. Н.З. Котелевой. М., 1984.

2. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / под ред. Е.А. Левашова. СПб., 1997.

3. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / под ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1995.

Словари жаргонизмов

1. Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980-1990-х гг.). М., 2000.

2. Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / под общ. ред. Р.И. Розиной. М., 1999.

3. Юганов И. Словарь русского сленга 60-90-х г.: Сленговые слова и выражения 60-90-х годов / под ред. А.Н. Баранова. М., 1997.

4. Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга. М., 1999.

Исторические словари

1. Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1975.

2. Словарь русского языка XVIII века. М., 1984 (и все последующие изд.).

3. Словарь устаревших слов. М., 1997.

Этимологические словари

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964–1973.

2. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1994 и др. изд.

3. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1975.

4. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. М., 1963 (и все последующие выпуски).

Словообразовательные словари

1. Кузнецова А.И., Ефремов Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986.

2. Потиха З.А. Школьный словообразовательный словарь. М., 1964.

3. Потиха З.А. Школьный словарь строения слов русского языка. М., 1987.

4. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М., 1985.

Орфографические словари

1. Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или отдельно?: (Опыт словаря-справочника). М., 1983 и др. изд.

2. Лопаткин В.В., Нечаева И.В., Чельцова Л.К., Как правильно? С большой буквы или с маленькой?: орфографический словарь. М., 2002.

3. Орфографический словарь русского языка / под ред. С.Г. Бархударова, С.И. Ожегова, А.Б. Шапиро (любое издание).

4. Розенталь Д.Э. Прописная или строчная?: словарь-справочник. 5-е изд., испр. М., 1989.

Словари трудностей

1. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1976.

2. Трудности русского языка / под ред. Л.И. Рахмановой. М., 1974.

3. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка / ред. К.С. Горбачевич. Л., 1973.

Орфоэпические словари

1. Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений русского языка. М., 1993.

2. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. 5-е изд., испр. и доп. М., 1989.

Терминологические словари

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1996.

2. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.

3. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М., 1974.

4. www.ruscorpora.ru – Национальный корпус русского языка

5. www.slovari.ru - Словари русского языка

6. <http://fonetica.philol.msu.ru/index1.htm> - Гипертекстовый мультимедийный Интернет-учебник по фонетике русского языка, постоянно пополняющийся фактическим материалом. Информационное гипертекстовое пространство включает связанные перекрестными ссылками разделы: система русских гласных звуков (вокализм), система согласных звуков (консонантизм), русская ритмика и акцентология, интонационно-мелодические типы русской речи (интонация), просодическое оформление речи (просодия), русская орфоэпия, словарь терминов и терминологических понятий (гlossарий), очерки истории русской и зарубежной фонетической мысли (персоналии).

7. <http://vedi.aesc.msu.ru/russian> - Система дистанционного обучения правописанию. Научный руководитель проекта заслуженный профессор МГУ А.Н.Качалкин.

Информационно-библиотечный ресурс

1. Водина Н. С., Иванова А. Ю., Клюев В. С., Лопаткина О. Р., Панова М. Н., Поспелова Г. М., Рожкова И. М., Толстопятова М. Ф., Топильская Н. Ф. [Культура устной и письменной речи делового человека.](#) М. : Флинта, 2012, 320 с. - [ibooks.ru](#)

2. Гончарова Т.В, Плеханова Л.П. [Речевая культура личности : практикум.](#) М. : Флинта, 2011, 240 с., УМО - [ibooks.ru](#)

3. Есакова М. Н. [Русский язык и культура речи. Нормы современного русского литературного языка.](#) М. : Флинта, 2012, 280 с. - [ibooks.ru](#)

4. Константинова Л.А. [Нормы русского литературного языка: учеб. пособие по культуре речи.](#) М. : Флинта, 2010, 168 с. - [ibooks.ru](#)

5. Лютикова В. Д. [Русский язык : нормы произношения и ударения.](#) М. : Флинта, 2012, 104 с. - [ibooks.ru](#)
6. Маслов В.Г. [Культура русской речи: учеб. пособие.](#) М. : Флинта, 2010, 160 с. - [ibooks.ru](#)
7. Соколова О.И., Федюнина С.М., Шабанова Н.А. [Культура речевой коммуникации](#) . М. : Флинта, 2013, 136 с. - [ibooks.ru](#)

К разделу 4. Коммуникативно-риторическая составляющая языковой компетенции тележурналиста

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2003.
2. Верецагин Е.М., Ротмайр Р., Ройтер Т. Речевые тактики "призыва к откровенности" // Вопросы языкознания. 1992. № 6.
3. Иссерс О.С. Паша – "Мерседес", или речевая стратегия дискредитации // Вестник Омского университета. 1997. № 2(4). С. 51–54.

Учебное издание

Лабутина Вера Викторовна

**ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО
ТЕЛЕЖУРНАЛИСТА: КУРС ЛЕКЦИЙ**

Учебное пособие

Редактор А. В. Я р о с л а в ц е в а
Компьютерная вёрстка А. В. Я р о с л а в ц е в о й

Подписано в печать 19.08.2019. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печ. л. 5,5.
Тираж 25 экз. Заказ . Арт. – 7(Р2У)/ 2019.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С. П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)
443086, Самара, Московское шоссе, 34.

Изд-во Самарского университета.
443086, Самара, Московское шоссе, 34.